

СМЕНА

№ 16 август 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ГРАН ПРИ
НАДЕЖДЫ
ПАВЛОВОЙ

ПАРОЛЬ: ДОСРОЧНО! ПЛАН КАЖДОГО ДНЯ КАЖДОГО МЕСЯЦА, КАЖДОГО ГОДА, ВСЕГДА ПЯТНАДЦАТИ- ДОСРОЧНО!

НАУКА — ПРОИЗВОДСТВО

ОИБ

Когда-то говорили «век паров», «век электричества», «атомный век»... По-видимому, справедливее сказать: наступил «век науки». Появление новых изобретений и открытий не только радикально ломает старую технологию и создает новые отрасли промышленности, но, изменяя стереотипы мышления, приводит в конце концов к отказу от старых стереотипов. Становясь факторами политики, они в принципе способны неузнаваемо изменить облик эпохи. Поэтому главная ценность человеческой цивилизации — не запас золота или свободно конвертируемой валюты в неустойчивых эмитируемых государственным банком, а горючий потенциал науки, не зависящий от капризов биржевого ажиотажа и валютных кризисов.

Разумеется, любое открытие завоевывает право на жизнь только в том случае, если оно реализовано. Соображение, казалось бы, элементарное, но дело в том, что множество научных исследований далеко не всегда и, главное, далеко не сразу находят применение.

С этой точки зрения большой интерес представляет Сибирское отделение АН СССР, накопившее огромный опыт по установлению высокоэффективных связей между наукой и производством. Для специального корреспондента Юрия ИОНСЕЕВ обратился к вице-президенту СО АН СССР, академику Г. И. МАРЧУКУ с просьбой рассказать о оперных результатах фундаментальных научных исследований в промышленности и сельском хозяйстве.

Академик Г. И. МАРЧУК:
«Каждое открытие должно быть реализовано».

Фото Альберта ЛЕХАУСА

— ГУРИЯ ИВАНОВИЧ, КАК ВЫ ОПРЕДЕЛИЛИ ВЫ РОЛЬ И ЗАДАЧИ НАУКИ В УСКОРЕНИИ ТЕМПОВ ТЕХНИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА НАШЕГО ОБЩЕСТВА, В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ, ПОСТАВЛЕННЫХ В ДИРЕКТИВАХ XXIV СЪЕЗДА КПСС?

— В наше время наука все в большей степени становится, по известному выражению В. И. Ленина, непосредственной производительной силой. Далеко в прошлое уходит представление об ученом как о человеке, оторванном от жизни, обитателе прославленной «башни из слоновой кости, одиноком подвизнике и мечтателе, которому чужды все мирские заботы. Перевернулся уже заветный чинсткой науки, свободной будто бы от интеллигентских тревожений и, следовательно, с неумолимой последовательностью, от ответственности перед обществом. Наука не может быть универсальным ключом ко всеобщему счастью, панацеей от всех бед, но ускоряющиеся темпы научно-технического прогресса — реальный факт нашего времени. И советские ученые, в какой бы области знания они ни трудились, понимают о своем профессиональном и гражданском долге — отдавать все свои силы и опыт для решения грандиозной задачи, поставленной партией, — создания материально-технической базы коммунизма. Это значит, что ценность каждой на-

учной идеи должна быть проверена практикой, воплощена в совершенные приборы и машины, прецизионные станки, прогрессивную технологию, автоматизированные системы управления процессами, предприятиями и в перспективе — отраслями.

— КОГДА МЫ ГОВОРИМ О «НАУКЕ СИБИРИ», ТО ПОДРАЗУМЕВАЕМ ВСЮ МНОГОГРАННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР, РАССИЛАТЬ О КОТОРОЙ В ПРЕДЛАЖЕННОГО ИНТЕРВЬЮ, КОНЕЧНО, ВРЯД ЛИ ВОЗМОЖНО. НО НЕЛЬЗЯ ЛИ ПРивЕСТИ НЕСКОЛЬКО КОНКРЕТНЫХ ПРИМЕРОВ МАТЕРИАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ ПОИСКОВ?

— Учреждения СО АН СССР накопили немалый опыт в установлении связей с производством. Наши институты взаимодействуют более чем с 300 предприятиями и организациями страны, и в первую очередь Сибири. Для ускорения реализации научных исследований используются различные формы и методы: заключаются хозяйственные договоры, создаются специальные научно-производственные группы и комплексные бригады, в которые наряду с учеными входят проектировщики, конструкторы, технологи, инженеры. В результате этих усилий только за истекшие 5 лет в различных отрас-

ляг хозяйства внедрено около 600 новых крупных объектов.

Потенциал научных идей, накопленных Сибирским отделением АН СССР, уже настолько велик, что требуется создание мощного научно-производственного звена между наукой и производством — системы специальных конструкторских и конструкторско-технологических бюро, а также производства под научным руководством институтов СО АН СССР. Эти организации призваны внедрять результаты научно-исследовательских работ в кратчайшие сроки. Созданный комплекс НИИ-КБ «двойного подчинения» является основой для возникновения научно-производственных объединений, которых шло речь на XXIV съезде КПСС.

КАКИМ НЕ ОБРАЗОМ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПРОЦЕСС ВНЕДРЕНИЯ? ЕГО ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ:

— Скажем, мы закончили какую-то конкретную разработку. Если она будет передана предприятию, то это, конечно, ускорит его технический прогресс. Но, если дальнейшее продвижение научной идеи в практику является реальным делом, то не на одном предприятии, то, естественно, ее эффективность будет весьма низка. Задача состоит в том, чтобы создать такую систему, в рамках которой любая крупная научная, техническая или технологическая идея принимала бы сразу во всю отрасль. Идея и есть такая идея, внедряемая ИИИ и мы в этом плане провели несколько удачных экспериментов, которые показали нам измененность такого порядка. Таким образом, внедрение ИИИ и мы в этом плане провели несколько удачных экспериментов, которые показали нам измененность такого порядка.

Наиболее типичная схема сводится к следующему. Когда идея из институтов СО АН СССР выполнена как конкретная работа, она заключает контракт с предприятием или договор о сотрудничестве с научно-исследовательским институтом или конструкторским бюро отрасли. Мы передаем данную тему этому учреждению, являясь научными руководителями до стадии технологической разработки. Поскольку Академия наук занимается главным образом вопросами принципиального характера, то ее научные идеи, как правило, в самой системе АН СССР не доводятся до производства.

Передавая научную разработку, мы выступаем в качестве соавторов новой технологии, помогаем министерствам, точнее отраслям, ИИИ и КБ, быстро проработать ее и довести до завершения. И это не просто доработка идеи, а практически на уровне мастерства, где каждый является равным участником. Включается содержание в состоянии по-настоящему оперативно материализованных наших идей. Научно-исследовательский институт или КБ отрасли осуществляет опытно-промышленные испытания нового процесса или же, если идея идет не о приборе или оборудовании, выдает задание на разработку реальных устройств. После этого ИИИ отрасли, связанный, как правило, с десятками предприятий, передает разработку на один завод, а сразу на все отрасли. Завод уже есть немало таких плодотворных экспериментов с министерствами в промышленности, цветной металлургии и т. д., когда одна разработка с помощью ИИИ и КБ была внедрена на многих предприятиях отрасли.

Второй путь: мы заключаем договор с заводом, в котором в своем составе научно-исследовательские и проектно-конструкторские подразделения.

Очень интересно, например, внедрение АСУ на Барнаульском радиозаводе, с которым мы заключили договор о творческом союзнестве. Мы начали с изучения потоков переносной информации, документооборота, что потребовало упорядочить конструкторскую и технологическую документацию, а также трудовые и материальные нормы. В результате резко сократились внутри- и межцеховые потери деталей и узлов, уменьшились нормы расхода материалов и заработной платы. А производительность труда даже на этом подготовительном этапе работы выросла на 10 процентов.

В системе, получившей название АСУ «Барнаул», осуществлен новый подход к решению проблемы управления промышленным предприятием. Новизна заключается прежде всего в интаргальном характере управления, отказе от копирования, а также действующая на заводе система. АСУ «барнаул» не расплывается на отдельные подсистемы, так как в ее основе заложены принципы моделирования производства, реализованные с помощью системного анализа. Это позволило организовать работу АСУ как единое целое, а в ее успешном функционировании заинтересованы не только сотрудники ИВБ завода, а весь коллектив предприятия. Любая форма информации непременно затрагивает каждого и поэтому немедленно замечается и устраняется. Эта форма организации позволяет реализовать возможность для решения задач оперативно-календарного планирования, оптимизации производственной программы и других задач оптимального планирования. Сейчас АСУ охватывает основное производство, потому что именно здесь сосредоточены главные ресурсы завода. И таким образом, возможно осуществить наиболее динамичный процесс повышения его эффективности.

АСУ позволяет получать от ИВБ данные о работе по каждому период об объеме производства каждого цеха, загрузки и потребности в любом виде оборудования и потребностях в работе по каждому профессору; ежедневные сведения о расходах основной зарплаты и выпуске деталей и узлов каждым цехом. То же самое позволяет осуществлять контроль над производством на всех уровнях и оперативно принимать решения.

Таким образом, возникает та же проблема, которая возникает и в системе АСУ. Каким образом ИИИ СО АН СССР, реализуемая совместно с заводом, распространяющая ее по собственной инициативе и при поддержке министерства на другие предприятия отрасли.

Аналогичный договор о сотрудничестве заключен нами и с заводом «Сибсельмаш». Здесь сосредоточили свои усилия институты СО АН СССР, решающие комплексные задачи перепрофиленной вахтенности. На этом сибирском гиганте мы должны были сначала заняться изучением методов сортировки деталей по цветам цехов. Скажем, в прессовом цехе перенос раскаленных бановок весом до 80 кг осуществлялся вручную.

Институт гидродинамики СО АН СССР в области гидроаэродинамической техники создали работ, или, как иногда говорят, «механическую рюкзак», заменившую несколько человек. Кроме этого производственного, здесь был достигнут еще один важный психологический эффект, так как рабочие увидели на конкретном примере, что может сделать наука для автоматизации тяжелых операций. Сконструирован также лучший в стране пресс-молот «Ермак», который основан на совершенно новых идеях — использовании некоторых гидравлических эрфентов, открытых главным-корреспондентом АН СССР Б. Войцеховским.

Немалое значение имела и рационализация процесса отливки заготовок от смазки. Раньше это делалось в бензине, что всегда было очень тяжело, неприятно и опасно. Институт неорганической химии СО АН СССР синтезировал целый комплекс мощных растворов. С их внедрением можно вообще по-другому перестроить технологию этого участка. Дело в том, что после отливки заготовок в бензине и высушивания их нужно было в очень короткий срок направлять на дальнейшую обработку, иначе они могли подвергнуться коррозии. Оказалось, что с использованием новых растворов с определенными присадками, предотвращаются коррозии, можно увеличить срок хранения заготовок. Это позволяло существенно упростить работу на участке. Кроме того, сейчас возникает возможность полной автоматизации процесса отливки.

Особую роль приобретают наши собственные исследования по организации работы в крупном производственном предприятии, как «Сибсельмаш» на базе АСУ. Выбрана методика, предложены вычислительные процессы, сформулированы задания оптимального планирования опытно-конструкторских работ.

Другой пример успешной материализации научных идей — усовершенствование методов добычи руды, выполненное Институтом горного дела СО АН СССР на руднике Таштагол. Раньше здесь был очень велик выход некачественных пород, приходилось разбирать вручную, и производительность взрывных работ, конечно, была не велика. Ученые вместе с инженерами разработали расчеты оптимального расположения штурпа и количества взрывчатых, что обеспечило при минимальных расходах условия труда рудника и равномерное ее раздробление.

Затем была осуществлена оптимизация всех подъемно-транспортных операций с использованием эффективных методов разработки, выполнен в Институте горного дела СО АН СССР в творческом союзнестве с инженерами рудника. Это позволило существенно изменить организацию труда и повысить его производительность в среднем в три раза. Кроме того, оказалось возможным существенно изменить состав участка, где ведутся взрывные работы, работа с меньшим числом людей и механизмов добиться несравнимо больших результатов. Наконец, улучшились условия труда рудника на нижних горизонтах. Таким образом, по своим показателям рудник занимает сейчас первое место в мире.

Два года тому назад мы решили в одном из слабых союзных областей, Иркутской, с 50 километрами от Академгородка, провести такой же комплексный эксперимент, как на «Сибсельмаше», с участием различных институтов СО АН СССР. Основным биологическим профилем были, для того, чтобы выявить проблематику союзных областей, затем Сибирь, дадут конкретные предложения по осуществлению работы хозяйства, научиться внедрять достижения биологической и экономической науки в сельское хозяйство. Это проблемно новое, поэтому мы не спешим с распространением нашего опыта. Вначале мы хотим найти оптимальные пути, эффективную форму сотрудничества и реализации наших идей. И я думаю, что в дальнейшем это принесет большую пользу.

Основные направления работы: исследование и анализ флоры, планирование севооборота, решение проблем механизации и автоматизации в животноводстве, развитие леринского хозяйства, решение проблем доведения ретехнических приемов и управление севооборотом на базе электронно-вычислительной техники. Для выполнения намеченной тематики нам потребуются около пяти лет.

ГУРГИЙ ИВАНОВИЧ РАЗРАБОТАЛ СО АН СССР СХЕМА ВНЕДРЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ В ПРАКТИКУ ДОПОЛНИВ СВОЮ ИНИЦИАТИВУ ИДЕЯМИ И РЕШЕНИЯМИ В ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ УВЕДИТЕЛЬНОСТИ И ВЕРНОСТИ. ЭТИ РЕШЕНИЯ МОГУТ ИЛИ КАКИЕ-ТО ИНЫЕ БУДУТ МЕНЬШЕ ЭФФЕКТИВНЫМИ ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ.

Конечно, специфическая проблема — это внедрение результатов фундаментальных исследований в практику. Конечно, надо творчески в каждом конкретном случае. В одном — возможен прямой контакт с отраслью, в другом — подготовка кадров для завода, в третьем — прием в целевую аспирантуру. Совершенно особую роль в процессе реализации научных идей играют специалисты, которые способны не только воспринять новые идеи и быть, так сказать, их носителями и пропагандистами, но и устанавливать связь с научными учреждениями — это опережающий фактор. По сути, тем самым, специалистом, который не поймут до конца значения тех или иных новых идей, никакие силы не помогут сдвинуть с места проблему внедрения.

Сочетание фундаментальных исследований с их последовательным практическим приложением является главным направлением деятельности Института СО АН СССР. Если говорить о пропорциях затрат, то примерно 60 процентов своих ресурсов мы тратим на проведение фундаментальных исследований, 30 процентов — на внедрение, которое, как было показано, дает несомненно большую эффект. Хочу еще раз подчеркнуть: главное, как я уже говорил, — это внедрение. Если же не удастся привлечь науку, то, естественно, ИИИ и КБ отрасли не смогут инициативу и реализовать и затем распространить совместные разработки на другие предприятия. Поэтому можно смело и справедливо можем говорить о прямом, непосредственном влиянии науки на промышленность.

Рабочая трибуна «Смены»

УДАРНАЯ ВАХТА КОРАБЕЛОВ

«КРАСНОЕ СОРМОВО»:
ПЯТИЛЕТКУ — ЗА 3,5 ГОДА!

Фото Василия МИШИНА

Комсомольским организациям направлять усилия молодых рабочих, колхозников, специалистов и ученых на неуклонное повышение производительности труда как решающего фактора развития экономики.

Повсеместно использовать опыт:

... — комсомольско-молодежной бригады тюменских нефтяников В. Китаева, комсомольской организации завода «Красное Сормово», обязавшихся выполнить пятилетку к 50-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

Из постановления VIII пленума ЦК ВЛКСМ

Николай ЛЕОНОВ, заведующий отделом
Горьковского обкома КПСС,
Валерий ЛИСИЦЫН, секретарь комитета ВЛКСМ
завода «Красное Сормово» имени Жданова

ернулся из Москвы, с XXIV съезда КПСС, один из делегатов партийного съезда Бригады сассарей-монтажников Александра Петровича Удалова. Бригадир окружил рабочих.

— Петрович, мы тебе не подавали! Сменные задания ежедневно перерабатывали на сорок—пятьдесят процентов!

— А я был уверен, что не подведете,— улыбнулся Александр Петрович.— Но перед нами, друзья, новые задачи. Есть у меня один план... Давайте поговорим.

Необходимо опережать график работ каждый день. Как это осуществить? А что, если разработать планы-графики на всю пятилетку и разделить по годам?

К какой же мысли пришли и сварщики бригады Вячеслава Васильевича Пайщикова. Предложено было подкреплены конкретными расчетами. Оценив их новаторы дали слово: — Мы выполняем пятилетку за три с половиной года!

Знаменательно, что инициаторами этого движения выступили коммунисты Удалов и Пайщиков.

Александр Петрович Удалов — участник Великой Отечественной войны, отмечен боевыми орденами и медалями; и в труде он первый. За успешное выполнение заданий комсомольского плана Александр Петрович удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. На XXIV съезде партии он был избран кандидатом в члены Центрального Комитета КПСС.

По достижению оценки труда бригадир сварщиков Вячеслав Васильевич Пайщикова, Герой Социалистического Труда. Это имя стало известно на заводе в послевоенный период. Этому способствовала стилистая работа бригады. Без задержек уходила с его участка узлы и секции речных судов. В бригаде Пайщикова высшая дисциплина труда, специализация и совмещение профессий, товарищеская взаимопомощь. Вячеслав Васильевич является членом Президиума Верховного Совета РСФСР.

Коллектив завода поддержал новаторов. Сколо десяти тысяч производительных рабочих включились в борьбу за досрочное выполнение своих пятилетних планов. Уже к 50-летию образования СССР почти тысяча рабочих достигли уровня производительности труда, запланированного на конец пятилетки. Инициаторы соревнования нарабатывали победный разбег. Бригада А. П. Удалова в январе 1973 года работала в счет февраля 1974-го, а бригада В. В. Пайщикова открыла счет марта 1974-го...

Расчет пятилетних планов на работников, бричку, из каждаый день, неделю, месяц, квартал, а — как ча-

сти общезаводского плана; организации социалистического соревнования за досрочное выполнение личных и бригадных планов — вот основные линии нашей работы.

В чем суть дела? Подобный расчет пятилетних планов проводится по единой методике для всех цехов завода. Для расчета необходимо иметь:

1. Базовую (среднюю) для данного цеха) выработку по одному производственному рабочему в 1970 году.

2. Задание по росту производительности труда цеху. Оно определено приказом директоров.

Расчет ведется в нормах-часах, тоннах, кубометрах или других единицах измерения в зависимости от характера производства, его организационных и технологического процесса. Все расчеты проводятся по нормам 1970 года. При пересчете норма фактически выполненная плановыми заданиями конкретизируется. Расчет пятилетних планов, определение месячной выработки рабочего при установленном пятилетнем плане повышения производительности труда и принятых социальных обязательств обязательства, определены социалистическим соревнованием, используются справочными таблицами, подготовленными специально для каждого цеха.

Таблицы рассчитаны на электронно-вычислительной машине «Минск-22». Расчет производится исходя из предположения, что рост производительности труда равномерен от месяца к месяцу, за вычетом от установленного годового задания и пересмотра норм.

По таблицам легко определить фактически выполненную социалистическим обязательства любого из участников соревнования. Именно установив, с опережением или отставанием по объему и производительности труда выполняется их личный пятилетний план.

В социалистическое соревнование «Пятилетку за три с половиной года» включаются молодые Комсомолец Вячеслав Жоголев, токарь судостроительного цеха, звания товарищам по работе. Каждый должен представлять, какая ответственность в выполнении новой пятилетки лежит на нас. И не просто представлять, но и помнить для себя свой личный план.

Для себя Вячеслав решил: — к концу пятилетки повысить производительность труда на 40 процентов;

— повысить квалификацию до 4-го разряда;

— в 1975 году успешно закончить машиностроительный техникум;

— включиться в соревнование за звание «Лучший по профессии»;

— подтвердить второй спортивный разряд по баскетболу;

— ввести комсомольскую группу в число передовых (Вячеслав — групп-комсор).

В бричку, из каждаый день, неделю, месяц, квартал, а — как ча-

КПСС. Начался новый этап в жизни Вятска...

Комсомольцы нашли свой девиз участников социалистического соревнования молодых передовиков, работающих в высшем темпе, опережающем планы, именовать «Ударным отрядом девятой пятилетки». Почти молодых сорMOVEDИЧЬЯ ПЛА ОДОБРЕНЫ ОБЛАСТНЫМ КОМИТЕТОМ КОМСОМОЛА И ЦК ВЛКСМ, получила широкое распространение, вымывшись в движении «Ударных отрядов девятой пятилетки».

Для руководства движением создан штаб ударной работы. Председателем Вятская Васильевна Пайдинов. Запаской комитет ВЛКСМ утвердил положение об ударном отряде и подготовил методику разработки личностных социалистических обязательств.

Организационная работа принесла плоды. В мае 1971 года было только 75 человек ударного отряда. Но уже к концу года ударный отряд вырос до 120 человек. В январе 1973 года в его рядах насчитывалось более тысячи человек. Популярность отряда растет. К 50-летию образования СССР комсомольцы коллектива судомеханического цеха достигли уровня производительности труда, запоздаванного на конец пятилетия. Также же успешно выполняли более трех десятков членов отряда.

Движение «Ударных отрядов девятой пятилетки» дает не только производственный эффект. Разумеется, важно, чтобы каждый молодой рабочий, инженер, служащий имел четкую задачу на пятилетку. Однако пятилетний план — это не только рост экономики, но и социальное развитие личности. Эти задачи учитывают личный комплексный план.

Слушая в марте 1973 года вопрос о ходе выполнения обязательств, привлек бригадами А. П. Удалова и В. В. Пайдинова — инструктора социального соревнования за досрочное выполнение заданий девятой пятилетки бюро Горьковского обкома КПСС отметил:

«Значительная поддержка во всех делах и начинаниях прославленных бригад оказывается общественными организациями завода. Партийный, профсоюзный, комсомольский комитеты созданы в производственных подразделениях предприятия, практическая возможность повторения опыта, накопленного этими бригадами в социалистическом соревновании».

Разработаны и внедрены методические пособия с экономическим расчетом и обоснованием досрочного выполнения плановых заданий для всех соревнующихся бригад и отдельных рабочих различных производств.

В каждом цехе завода красочно оформлены стенды «Наша пятилетка». Организация социалистического соревнования в коллективе за досрочное выполнение планов девятой пятилетки показана наглядно и убедительно. Специальные плакаты рассказывают о пятилетних планах каждого производственного рабочего мая бригады. Для наглядности и сравнимости все показатели соревнующихся между собой производственных рабочих мая бригад расположены рядом, на одном плакете. Здесь же помещены и графические расчеты.

График расчеты — удачно найденная форма гласности и сравнимости результатов социалистического соревнования. Ни в них видны не только показатели производительности рабочих мая бригад, расположенных рядом, на одном плакете. Здесь же помещены и графические расчеты. Эти расчеты — удачно найденная форма гласности и сравнимости результатов социалистического соревнования. Ни в них видны не только показатели производительности рабочих мая бригад, расположенных рядом, на одном плакете. Здесь же помещены и графические расчеты, обладающие максимальной наглядностью, позволяют ясно «осветить» все звенья непосредственно связывая их с действительностью.

Все плещая, занятая диаграммой, горнируется координатной сеткой, состоящей из системы равноотстоящих друг от друга прямых, параллельных оси абсцисс (горизонтали при этом отстоят друг от друга наравно, параллельных оси ординат, при этом отстоят друг от друга наравно, параллельных оси абсцисс). Сетку образует тонкими линиями и соответствует круглому числу, которое называется осью абсцисс и абсцисса. На ось представляются и цифры (шкалы) тех величин, которые откладываются на данных осях. Так строится диаграмма?

1. Для построения кривой ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА берется данные: количество единиц условной производительности труда (выработка) 1970 года для данного цеха; планируемый уровень производительности труда по годам пятилетия для данного цеха исходя из заданных темпов по заводу. Принимая, что рост производительности труда обеспечивается в течение года равномерно по месяцам, рассчитывается объем плана по каждому году пятилетия. Отмечая точкой данные расчета на координатной сетке диаграммы, соединяя их плавной кривой цвета, получаем кривую пятилетнего плана. Но не только откладывается план любого, наперед заданного календарного периода в пятилетии.

2. Для построения кривой ВОЛЮНТЕРСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА необходимо установить плановые показатели на величину нормативного или нормативных социалистических обязательств (величина норматива является частью от деления плана на число лет, за которое выполняется пятилетний план по обязательствам в условиях движения «Пятилетку» — за три с половиной года нормативная напряженность равен 5:3,5 = 1,43).

3. Для построения кривой ФАКТИЧЕСКОГО ВЫПОЛНЕНИЯ ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА с учетом произведенного периода с учетом произведенного периода норм выработки, кривая проводится на диаграмму красным цветом.

Сравнение достигнутой на данное время выработки, отмеченной пересечением кривой красного цвета с прямыми, параллельными оси абсцисс и оси ординат, и пересечением этих прямых с кривыми пятилетнего и социалистических обязательств, позволяет сразу увидеть, насколько точно о достигнутых соревнующихся.

Внедрение этой системы на заводе позволяет сделать социалистическое соревнование экономически обоснованным и конкретным. Его отличительная черта — высокая эффективность, глубокая содержательность, микроскоп.

Отвечая практическими делами на постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о развитии массового социалистического соревнования работников промышленности, строительства и транспорта за досрочное выполнение народнохозяйственного плана на 1973 год, коллектив цеха и отрядом завода главное внимание уделяют увеличению интенсивности ведения производственного процесса, повышению эффективности труда, внедрению прогрессивной технологии и наиболее полного использования производственных процессов. Мозги — дать продукцию больше качества, с наименьшими затратами — нашлись, одобрены в сердцах сорMOVEDИЧЬЯ ПЛА.

Заводская партийная, комсомольская организации ведут большую работу по развитию массового социалистического соревнования за досрочное выполнение плана 1973-го, решающего года пятилетия.

Ст мартенов, сталков, прокатных станов, со сталей — отсюда поступают вести о новых трудовых победах. Сухозурго за сухозургом покидают сталки и гаваль заводу. Они уходят в дальние и близкие районы — трудиться на благо страны.

Каждый из этих кораблей уносит с завода частичку теплоты сердец сорMOVEDИЧЬЯ ПЛА. И уже стало традицией высылать в отряды коллективизма знаний сорMOVEDИЧЬЯ ПЛА. Бродят реки стран «Тихон Третьяков», «Петр Замосин», «Токмарк Ляпин», «Ильинер Мурин».

Трудовой, боевой, революционный доверие сорMOVEDИЧЬЯ ПЛА продолжает.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 16 (1110)

АВГУСТ
1973

И ЛАША О ВТОРЖК А:
ОБЛАДАТЕЛЬЩИНА
ОГРАН ПРИ ВТОРОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНКУРСА АРТИСТОВ
ВАЗЕТА В МОСКВЕ
НАДЕЖДА ПЛАВТОВА.

Фото
Мирислава МУРАЗОВА

ЗАМЕТИ СПЕЦИАЛЬНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА АНДРЕЯ
БАТАШЕВА ЧИТАЙТЕ НА
СТР. 12-14.

4
ТРЕТИИ, РЕШАЮЩИИ.
РЕПОРТАЖ ОБ
ОРЕХОВО-ЗУЕВСКИХ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКАХ.

6
«СЕВЕРНЫЙ КАРТАЛ».
СТАТЬЯ
ЛЕОНИДА ПЛЕШАКОВА
О ПРОБЛЕМАХ ОСВОЕНИЯ
ТЮМЕНСКОЙ ЗЕМЛИ.

20
НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ
ВОЗРОЖДЕННОЙ
ПОЛЬШИ.

27
БОРИС ВОРОБЬЕВ.
«ПРИБЫО У КОТОМАРИ».
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ.

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ» —
НЕФТЯНЫЕ РЕКИ
СИБИРИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ТРЕТИИ, РЕШАЮЩИИ: ГЛАСНОСТЬ
СРАВНИМОСТЬ, ЭФФЕКТ

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ» —
НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ
ПЕРЕКЛИЧКА САМОЛЕТ — МАНГЫШЛАК

ЗАВЕРШАЕМ ДИСКУССИЮ:
«КАКОМ ОН, МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ!»

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИЯ: В. С. Абакин, Г. П. Емисеев, А. П. Кулешов, А. П. Лихов
[отвественный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного
редактора], В. С. Подолосинцев, Р. И. Фондатовский, Е. И. Рабочин
[заместитель главного редактора], С. С. Самарин, А. В. Тузов [главный художник],
Ю. В. Трояковский, В. Е. Трояковский

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Н. И. Будкина

Твоя профессия

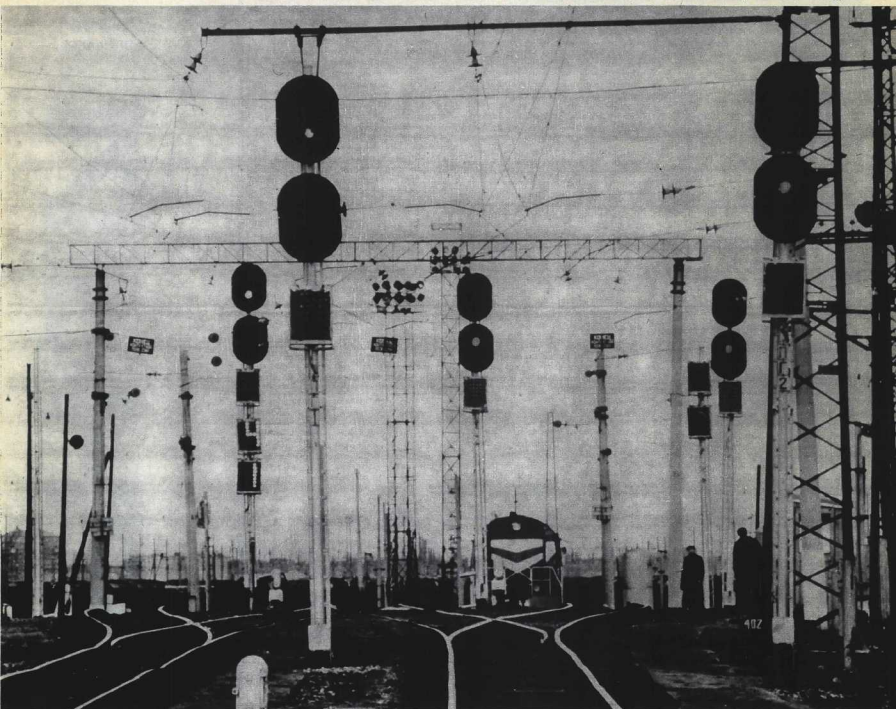
УЗЕЛ

Борис СМИРНОВ, Виктор САКК (фото)

ИНФОРМАЦИЯ ПОДЛЕЖИТ ОБРАБОТКЕ.

ТЕМА ДЛЯ ДИССЕРТАЦИИ

Кажется, что это было давным-давно, хотя на самом деле прошло лишь двадцать лет с тех пор, как он закончил в Ленинграде институт и был направлен на работу в Орехово-Зуево — место, бесконечно далекое от популярных в институте романтических адресов. Иркутск, Красноярск, Томск, Тайшет — вот это да! Не то что скромное Орехово. «Ты уверен, что там вообще есть рельсы?» — шутили сокурсники.

С таким настроением он и прибыл, как говорится, к месту исполнения служебных обязанностей. Поляны, ромашки, кругом болота и сосновые леса... Но в первый же день он узнал, что Орехово-Зуево — самый подходящий для него адрес: здесь начиналась большая и интересная стройка.

Неповаженный человек, глядя на карту, никогда не скажет, что в географическом отношении Орехово-Зуево расположено как-то особен-но. А железнодорожник сразу оценит все преимущества этого места. Стальные пути с севера, востока, юга и запада сходятся здесь в узел, в перекресток дорог. Главным таким

«перекрестком» на карте железных дорог страны считается Москва, но столице год от года все труднее выдерживать поток грузовых поездов. Часть этого потока взяло на свои плечи Орехово-Зуево. Это произошло давно: еще в начале века промышленник фон Мекк соединил две железные дороги и стал использовать Орехово-Зуево в качестве сортировочного узла. Конечно, с тех пор станция не раз урюзилась, но после каждого такого омоложения она все равно оставалась старушкой, потому что и транспорт и грузооборот развивались куда быстрее. Станция нуждалась в полной перестройке. И вот тогда, в конце пятидеся-тых годов, на глазах вчерашнего студента этот «узелок» должен был превратиться в один из крупнейших сортировочных узлов страны, в восточный железнодорожный крест столицы...

Михаил Иванович Раткин встал, прохвывая по своему кабинету заместителя начальника станции. Видно было, что воспоминания доставляют ему удовольствие. Что ни говори, а справился он тогда, выдержал! Как в водоизор, попал молодой парень в самый центр большой стройки —

и не закурило его, не выбросило на отмель. Специалистов на станции было мало, и новому молодому работнику пришлось перепробовать все. Кое-что прокиривать, кое-что изобретать, разбираться в тонкостях строительного дела, быть хозяйственным и администратором... Он стал специалистом-путейцем, специалистом-движенцем, специалистом-вагонником. И специалистом по командировкам: орехово-зуевцы объездили многие железнодорожные узлы страны, приглядываясь ко всему новому. Свою сортировочную станцию они хотели сделать образцовой.

— Есть у меня старые фотографии, — сказал Раткин и достал из стола объемистый альбом, — вы посмотрите, что тут было до реконструкции: вот старый стрелочный пост, вот старое депо — тогда еще паровозные были! — вот старое здание станции, а вот так переводились вручную стрелки...

Вслед за старыми снимками шли фотографии, сделанные недавно: новое локомотивное депо, новое здание «головной», профилакторий для машинистов, лагерь для работ железнодорожного поселка. На месте болот намыты широкие насыпи,

проложены пути. Вот снимок кемеровской вагонки над станцией. А вот и обшарки — вагоны, вагоны и вагоны во всю глубину редкости обшарки. Вся история станции в этих фотоснимках —

— А кто делал обшарки?
— Я и делал. Вот так же задалуя я составил альбом для движеницев; напоявную работу сделал, а закончить не могу; все дело на службе, а в отпуск до конца тружусь над диссертацией...

— О нем же можно не спрашивать — наверное, кто-нибудь местное, Орехово-Зуевское?
— Да конечно. Здесь научились бы тем же для целого десятка новых работ, ведь у нас производство буквально соимкнулось с наукой.

В кабинете Михаилу Ивановичу не сидится — очень скоро он предложит мне обойти станцию. И я подумал тогда: как хорошо молодому специалисту попасть в самый водорот большого дела!

ГОРКА

Орехово-Зуевский вокзал известен многим. Ну, а станция, которая лежит в стороне от вокзала, и является центральной же частью — сортировочную горку — никто из сортировщиков, как правило, не видит. А зрелище это очень интересное. Внешне все выглядит просто — небольшая возвышенность, с которой вагоны расходятся в стороны десяти железных путей. Но вот как маневровый локомотив медленно подталкивает к горке длинный состав грузовых вагонов. Первый вагон достигает обрешетки пути. Локомотив от состава и набирает скорость, становясь визк. Перед ним щелкает стрелки, направляя вагон по нужной обрешетке сортировки. Вагон останавливается, а за ним второй вагон, за ним третий, потом шестой и сразу пятнадцать вагонов, потом сразу пятьдесят, потом опять один. А за горкой, весь пучок путей, залопачивающиеся вагонами, они как разлетевшиеся в стороны капли разбитой водяной струи. Визну, далеко за горкой, вагоны замедляют свой бег, соединяясь в новые составы, словно бы отдельные капли воды сливаются в новые струи. Вот длинный состав на вершине горки уже нет, зато внизу образовался десяток новых составов. Сортировка закончена.

— Представьте, что в Москву, скажем, на Киевский вокзал, прибыл поезд с пятью сотнями вагонов. А вагоны пассажиру надо пересечь в другой поезд на Курском вокзале, другому — на Белорусском, третьему — на Свердловском, четвертому — тоже на Курском. Вот так и товарные вагоны на нашей горке совершают «пересадку» из одного состава в другой. Дело, конечно, не в самих вагонах; дело в грузах, которые вагоны везут. В Донбасс, например, мы составляем маршрут из вагонов с мармуром из лесов, а в Вологду — вагоны с доломитом, углем, а в Сибирь отправляем станки, в Иваново — хлопок... Короче, на железных дорогах от Одессы до Иркутска нет таких грузов, которые бы в год были бы в нашей ореховской сортировке. Здесь формируются составы. Настоящая фабрика маршрутов.

Денурный Володя Малцев перескакивает с горки диваном состав. Центральный путь приспособлен к сортировке. Отсюда, с высоты третьего этажа, горка вылетает полочкой колесом, а вагоны, сбегавшие по ней, кажутся игрушечными. Их было как-то трудно воспринимать всерьез, может, потому, что мы привыкли видеть вагоны в составех, тепловозов или

электровозов, а здесь бегут этикие коробишки на колесах, словно в детской игре! А что, если такая игрушка весом в десятки тонн разгонится на горке быстрее, чем надо? Разобьется ли на своем пути, разлетится в щепки! Но Малцев щелкает тумблером — и под вагоном словно бы что-то взрывается. Дальше вагон едет уже вполсилы. Это работает пневматический замедлитель. Движением пальца Володя мог чуть-чуть притормозить вагон, а мог остановить его вовсе. Азарт не будет... Равно, когда замедлитель не было, на путях стояли «башмачники» — по несколько человек на каждом пути. «башмачком» называется такая специальная колодка, ее под колеса насад подлаживают. Вагон может разогнаться километров до тридцати в час — каково, когда на тебя несется такая махина! Почти всегда такой «башмачок». Колесо называет на «башмак» — сразу срежет металл, визк, искры сыплются. Бывает, одного «башмачника» недостаточно, тогда «башмачники» должны быстро сгустить под колеса еще одну колодку — Ослепшая профессия!

О том, что было раньше, Володя знает больше раньше. Он берет с собой после окончания Ореховской техникума, когда старой Орехово-Зуевской сортировке уже, по существу, не было. Ему не пришлось работать спецником, ему не надо было выходить с «башмачком» наперез мчащимся вагонам. Мягкое кресло в полукруглой застекленной башке, кнопки, тумблеры, микрофон — вот чем встретило его Орехово-Зуево. Было от чего растеряться: такая техника, как здесь, и в учебнике еще не описана! Значит, доучиться придется не только в ответственности огромном. Операторам, которые сидели рядом с Володей, было легко. Они, коренные ореховцы, прежде, проработав здесь много лет стрелочниками, сцепщиками и «башмачниками», для них тасовать вагоны в составе, как карты в колоде дело привычное. Только раньше все делали вручную, а теперь отщелкает тумблерами. Володя научился от этих людей многому: определять на глаз скорость вагонов, различать, какой из них короче, «бегуны», а какой позуже, безошибочно выделять из состава «роликны» — вагоны на роликовых подшипниках. Сами вагоны он стал тоже именовать по-местному — «крывши».

— В первые месяцы работы мне вагоны давали по ночам спленился: так и бегут, как трамвайчики, перед глазами. Всканюю с кроватки как ошпаренный — казались будто застывшие на тот путь. Потом привык. Я в школе ментал попал в военное училище, но эта работа мне нравится не меньше. Здесь тоже нужны самодисциплина, четкость в командах, короче реакция, глазомер. В общем, повезло мне, что попал в Орехово-Зуево.

— Да и голос у вас стал, как у диктора, по всей горке громкоговорители вас транслируют! — пошутил я. Но Малцев отнесся к этим словам серьезно.

— Знаете, какая это ответственность. Чуть неправильно что сказал, чуть запнулся — все уже слышат, что ты шибешь. А ошибиться нам нельзя, особенно сейчас: в этом, третьем, решающем году пятилетки каждая заминка на транспорте обидается осе дорогом. Грузов-то сколько! У нас все это в условиях соцсоревнования оговорено, за мою ошибку целая смена будет отменена. А в сорвановании все взаимосвязано: станция разделена по службам, как завод по цехам, службы делится на смены, смены на бригады. Так что в работе каждого на виду, а мне еще как бы на слух проверяется...

Володя снова повернулся к пути. На этот раз на горку везли сразу два состава. Параллельный рупус! Такого пока не увидишь ни на одной из станций страны. Только Орехово-Зуевская сортировка может в считанные минуты перетасовать почти две сотни вагонов. Включены установки радиосвязи с машинистами тепловозов, зажглись составные табло, вспыхнули лампы фотоземлемы, готовы к работе автоматы-скоростеры, автоматы-стрелки, автоматы-автоматы... И вся эта сложнейшая техника сейчас управляет двадцатидвулетней техникой, комсомолом Володя Малцев, который только начинает свой трудовой жизненный путь.

ВАГОНЫ И СОСНЫ

В стенах стеклянного домика маневрового поста, как и заре, отражаются сосны. До них рукой подать. Так и хочется спуститься по лестнице, пройтись по путям метров двести, перебраться через рельсы, потом спуститься с насыпи — и вот они, сосны с терпким запахом смолы.

Теневая заплата зуммер. Галя Полякова наклонилась к селектору: — На выходе маршрут семнадцатый — десять, диктую номера вагонов.

Вагоны проползают прямо перед окнами, разглядеть номера очень просто. Продиктуете, пересчитаете их — и вся работа А раньше...

Галя забыла повелев печани — вспомнил знаменитого когда в полукруглой, в валеках выгелала она настрену составов. В одной руке карандаш, в другой тетрадка, под локотом фонарь. Так же жемшился дождь составов — поветивший номером на номер вагона, заливший в тетрадку номер — и дальше. Снег под ногами грязный, мазутина, из-под вагонов холодный ветер бросает в лицо колючую снежную пыль. А подает снег — того хуже: как лобезишь по такой насти! Правда, потом всем девчонкам-счетчицам выдали переносные радиостанции вдоль вагонов и диктуют...

— Ты что, Галка, замечталась? — окликнула ее наперница Люся Кручинкина. — Смотри состав превращаешь...

Нет, состав-то она, конечно, не пропустит. Уже сколько лет Галя на этой работе, и никаких ЧП не было. Теперь надо в техникуму поступать, получить специальность — вот сколько на станции интересной работы! Хорошо бы поработать на маршрутно-рельсовой централизации, сидишь в большом зале, перед глазами на схеме лампочки сигнализируют. Каждая лампочка — это поезд. Товарный, курьерский, пассажирский. А ты наминаешь на кнопки и разговариваешься, куда какому поезду ехать.

Все это возможно, только учиться надо. Вот рядом сидит Рыжова Раиса Владимировна, денурная по посту — ей сколько уже лет, а сама в вечерней школе учится! Раньше ходила по путям с метелькой — стрелки настила, переводила из вручную составов за смену, потом обобщенной была, а теперь сидит у пультов и управляет целым маневровым районом. Ручной? работы на станции нет теперь вовсе. Как это сказали недавно на комсомольском собрании: теперь главная цель перед молодежью — стать рабочей интеллигентницей! А для себя Галя уже решила: надо еще бороться за звание лучшего по профессии — есть такой пункт в условиях соцсоревнования комсомольцев.

Галю отозвал селектор — подошли очередные вагоны. Отражение сосны в окне вздрогнуло и исчезло: мимо шли вагоны, вагоны, вагоны...

Леонид
ПЛЕШАКОВ

СОСНЫ И ВАГОНЫ

гнут работать этими промышленными. Здесь легче строить детские учреждения, учебные заведения, театры, стадионы, музыкальные школы — все это делается довольно гармонично в соответствии с растущим населением.

Насколько это существенно, показали исследования в поселке Замосинском. Замосинск — это пример, что текущий кадры в Талнахе гораздо выше, чем в соседнем Норильске. Климатические и жилищные условия и там и там равны, заработная плата и жилищные условия в обоих поселках устроены на работу. Тут есть театр, стадион, спортивные бассейны, стадион, спортивные залы и многое другое, чего нет или в чем испытывают нужду Талнаха.

Короче, сам хозяйственный процесс не вызвал сомнения. Они возникли позже, когда настало время решения, где размещать базовые города, какки должны быть их население, какая должна быть их структура. В конце концов, схему начинали возлагать проблемы о которых раньше не приходило задумываться.

Однако, наиболее благоприятная для проживания, наиболее развитая и заселенная часть Тюменской области не могла стать базой для всего нефтяного и газового Севера. Отсутствие надежного транспорта всякий раз грозило бы срывом при поставках материалов, оборудования, перевозке людей. Поэтому и рассуждения о развитии в Тюменской области несколько городов, в которых бы работали нефтяные маторожения этого Севера, а в Ямало-Ненецком национальном округе — город для обслуживания газодобывчиков. Это тем более казалось разумным, так как, по заявлениям инженеров, часть переборки ват из умеренных широт в условия Севера, Заполярья и обратно могло отрицательно сказаться на здоровье людей. Невозможно становилось работать в производственных условиях труда во время климатических адаптаций.

Но и такое решение таило в себе массу подводных камней: например, в городах Сургут, Нижневартовск, Нефтегазном, Южном Байдари, Надыме и говорить не приходится — это районы Севера. Повышенный коэффициент и северные надбавки к зарплате — это не только компенсация трудной работы в производственных условиях, но все дополнительные, сопутствующие строительству и эксплуатации расходы.

Простая на первый взгляд схема тем более усложнялась, когда в нее пришлось внести дополнительные, ранее не известные условия, и учесть некоторые поправки. Когда в Среднем Приобье были открыты крупнейшие месторождения нефти, было решено, что их столицей станет двухсторонний район Сургут и некий район, который в будущем войдет в состав второй руки — Нефтегазном и Южный Байдари. Уникальные запасы и дебиты Самотлора, о которых стало известно через несколько лет, произвели известную переоценку ценностей. Самотлор с месторождением-спутником — лежал далеко юг Сургута и требовал своего базового города. Ими стал Нижневартовск. Но в свергнутом с трона Сургуте уже разрабатывалась строительная база, со своей речной разветвленной системой, с углеварочным и без чего последний обратился на стандартные трудности растущего города, поставленного на годовой павок. Да и поселок Сургут в это время был в разы больше чем десятилетия. Его будущее народонаселение сразу уменьшилось в два раза. Всеобщее внимание, к которому он дая ранее, неожиданно переключилось о его более удаленному северному. А внимание по поводу времени, это деньги, фонды и все прочее, без чего ни шубы пошить, ни города возвести.

При выборе места для будущей газовой столицы не последнюю роль сыграла уверенность в том, что Сибирский трубопровод будет построен от Салехарда к Игарке. Географическое положение Надыма в этих условиях было предпочтительным. В свое время в Москве сюда уже ходили слухи.

Но стоило решение о восстановлении дороги отложить на неопределенное время, как планы Надыма обернулись инвентарем. Транспортировка скважинных установок и оборудования, кепризы природы заставляли на компромиссы, которые требовали строительства как базовый город по освоению ямбургского газа, хотя чем дальше, тем яснее становилось, что в этом месте негде построить базовый лагерь для строительства самого Надыма.

Объективные трудности, связанные с природными особенностями Тюменской области и непре-

видимыми (вернее, не угаданными заранее) новыми открытиями тюменских геологов, — только один из причин, почему хозяйственный способ, самозаданный в здешних условиях, все еще переживал период внутригородского развития и никак не мог приспособиться к растущим требованиям общества: все, что делается в этом направлении, даже не отвечает требованиям сегодняшнего дня, а тем более сути самой идеи, которая заглядывает в день завтрашний. Главное: внедрение нового проекта в хозяйственный процесс не вызвано и потому же факторами субвентивного характера. Нам тут случилось, что декларация новой, мы так и не принятой, идеологии — «экономика» А теория без практики, как известно, мертва. Когда же в Тюмени начались разговоры о том, как людям и пытался доказать, на как будет выглядеть здешняя адская схема, в ответах можно было заметить следы скепсиса и недоверия. Дальнейшие распыления и уточнения, которые в конечном итоге привели к тому, что проект и проводил и сочинения на voluntary тему, и сейчас уж все зависело от температуры собеседника.

Только прямой вопрос — не могли бы мы привести пример уже действующего хозяйственного способа отработав месторождений? — неиндизино прело отвечать на предвостановленный вопрос.

Назывались Нефтяные Камни на Каспии, Вправду, Татарстан в частности, — это с одной стороны, Азербайджан с другой — это с другой стороны, азиатская тундра. С другой — расстояние от индустриальной территории до месторождения — оно было меньше, нежели длина одного только Медвежьего моря, и расстояние до месторождения — манских нефтяников тюменцам не подходит: не те условия.

Назывались некоторые промыслы в самой Тюменской области, на которых удалось организовать работу по хозяйственному способу — это было трудно было признать, что условия жизни и на буровых скважинах — еще далеки от предусмотренных такой схемой.

Иными словами, новую организацию при освоении месторождений приходится вводить практически без примеров.

Иногда опыт и знания, которые большим трудом обрели здесь, не используются.

Когда ставается тот или иной важный объект, считавшийся в прошлом подтверждением, что сооружен он по три (пять, восемь, десять месяцев) в условиях пологих склонов плону двух (трех, четыре) лет. Рапорты подобного рода ни на йоту не отступают от истины, хотя в них чаще всего присутствуют значительные выкладки, которые, конечно, необходимо учитывать трудные условия Тюмени и отводить на то или иное строительство более значительные сроки, чем впоследствии требуется. И при этом, по такому способу, который в конечном итоге все же заканчивается тем, что после того, как план был сверстан, в народное хозяйство пришла новая, более производительная техника. Новый способ ведения строительства. Он-то и позволил реализовать Предложение. Вместо столетних булдырозов пришел четырехчасовый. Или, допустим, внедрение блочного строительства и помощь инженера позволили громадское оборудование установить в Павлодаре, чтобы в дальнейшем, как было бы раньше, а всего за несколько дней.

В свете этих необходимых уточнений фразы: «Всего за шесть месяцев построено то, что план отводит четыре года» — может быть отредактировано и так: «Четыре года план отводит на то, что на самом деле можно построить всего за шесть месяцев».

Выскакивая я несколько не хочу умалять значения этой постройки. Их трудовой подвиг достижимых высоких показателей. Не хотелось бы, чтоб эти слова были восприняты и как противопоставление достижений передовиков работе тех, кто остался на месте. В противном случае каждый рожден Стахановым. К тому же причины отставания, причины работы по старинке кроются чаще всего не в самих строителях. И если сейчас приходится ставить вопрос о том, как избежать отставания и опыты, которые можно пользоваться повторно.

Уже писал, насколько сократил сроки строительства на ПТ-2 комсомольские подвиги строителей. Тем не менее, если бы не было в начале прошлого года воздушной стены между областным центром и Медвежьим месторождением. Но сейчас хочется выразить удивление, что подобный, а именно, этот способ, который в Тюмени даже не находит широкого применения. Ведь блочный-комплексный способ строительства не только позволил тресту в несколько раз увеличить выработку по сравнению с традиционным способом, но и быстро выполнить свою часть работ при сооружении ПТ-2. Он помог в значительной мере решить одну из самых острых проблем Севера — жилищную. Если раньше для работников треста 70 тысяч человек требовалось построить в северной области и только 30 — в городе Тюмени, то теперь, наоборот, 70 процентов жилья нужно в областной центр.

Мы расписываем, как хозяйственный способ по-

жет нам малой кровью добывать богатства Севера завтра, но не видим широко столь же прогрессивный экспедиционный метод при строительстве городов, поселков, обустройстве самих промыслов уже сегодня. Почему, имея убедительные доказательства, что строительство этого Севера — и жилья и все необходимое для работников, занятых в этом социальную и сфере обслуживания, и так далее на манер северного кома? Почему бы не попробовать ввести такой способ не только на добычу, а уже сейчас на самих строителях? Почему бы не попытаться экспедиционным методом строить не только промышленные объекты вроде ПТ-2, но и жилые поселки? Или возводить объекты, которые в первую очередь являются неустойчивыми жилищно-коммунальные объекты в нем?

Собирая материал, я просмотрел все публикации центральных газет, посвященные этому за 1972 год. С любопытством отметил удивительное разнообразие при определении размеров базовых городов на тюменском севере. О Надыме, к примеру, сообщалось, что это будет город с населением в восемнадцать тысяч человек. И это уже человек. Сургут, в свою очередь, фигурировал как стародавний, то есть дохристианский город. Газетчикам можно было бы предложить другое, более точное определение существующего положения. Кажется, все уже решено, все ясно, но вдруг в один и тот же день я узнаю, что Надым нужно бы строить тысяч на 18 (Миннефтегазстрой) и что он должен стать автономным городом, для эксплуатационников, которые постоянно живут в Тюмени (Московский «Гипрогор»).

Такое разномыслие в общем-то понятно. При определении размеров базовых городов каждый берет в основу его производственную силу, а не в конечном счете основывается на запасах ближайших месторождений. Конечно, в будущих городах будут жить не один нефть и газодобывчики, но и так, как говорят, представители других сопутствующих отраслей: строители, энергетики, транспортники. А сколько их будет?

Как ни парадоксально, но тюменские строители в основном предпочитают тридцать тысяч, а строители для нефтяников и газодобывчиков, сколько для самих себя. Строители являются главным градостроительным фактором. И причины такого парадокса кроются в социальном положении строителей, у которых, в своем отношении к методу строительства, который, в свою очередь, опирается на устаревшую техническую базу. Даже дома из громадных, тяжелых железобетонных панелей, которые возводятся в Тюмени и в киргизии — не для тюменского севера. Такой вид строительства неподобен для транспорта, для здешних дорог. Он требует много времени и очень много рабочей силы. Производительность труда относительно низкая.

О какой вахте или экспедиции может идти речь, если отряд строителей, занятых сейчас постоянной работой на тюменском севере, исчисляется несколькими десятками тысяч! Никакая вахта не справится с миллионными перевозками такой армией.

Неудивительно, что всякое увеличение объема строительства в Тюмени — а в этом году оно вырастет везе процентов на тридцать — является численным увеличением строителей. И это, естественно, совершенно верно. Беда, что отсутствие прогрессивных строительных материалов, соответствующей техники и проектов, а потому и методов заставляет расширять строительство экстенсивным способом.

И как один из результатов — хроническая нехватка жилья у самих строителей, текущий кадров, что, в свою очередь, ограничена на уровне качества строительства и жилищно-коммунальных. В Главноминнефтегазстрое по сравнению с другими здешними организациями самая низкая обеспеченность жильем. Семнадцать тысяч человек в Тюмени, а в Павлодаре — всего лишь один постройт жилья примерно для 1,5—2 тысяч работающих и их семей, тогда как программа строительства увеличилась настолько, что нужно было принять на работу в Павлодаре еще больше людей в ведь все это народ приезний и в жилье нуждается. В будущем году эта диспропорция увеличится.

Что же лежит в основе годового тюменского севера? Колоссальные запасы нефти и газа, современные методы строительства месторождений и новые методы строительства промыслов и самих городов. Если с первыми двумя главными все в принципе ясно, то третье допускает при своем толковании огромную широту.

АНТОНОВ МЫС

Виктор ФЕДотов РАСКАЗ

Т

акая вот драматика ходила у нас на Севере среди моряков в те годы:

Хоть разъярись в сто баллов Буин-Онеан,
Все равно усмирит тебя «Ара», «Гагара», «Бакиан»...

Была это, конечно, ледовая, сильная шутка над тремя старенькими, усталыми старушечками, построившими невесту, когда и давно отслужившими своей корабельный век. Привыкли они были к так называемым исполинтам судам, носили над неуклюжими рубками гидрографический флаг и выполняли самую незамысловатую работу: доставляли продовольствие и почту на сигнальные посты и мыски, горючее и запчасти в рабоче-исследовательские артели и даже избирательные бюллетени ко время выборов. Надо было видеть, как эта неразлучная троица выходила в кильватер из бухты, построившая своими косяками дыма из тонких труб, постукивая слабенькими двигателями, как моряки с злетантных эскадренных миноносцев и сторожевых провожали их

Рисуню-Владимира ЮДИНА

насмешливыми, но добрыми взглядами, желая им счастливого плавания. А они, точно старики-пенсионеры, распрямляли силы при долгой трудовой жизни, но не желавшие выказывать немощи. Шли вдоль побережья, выжимая все возможное из своих машин. Но сила уже хватало лишь на семь-восемь узлов. Больше — боялись.

Правда, ходили сухими, будто и они были колоты до молодости и выносливы; в военные годы проводили даже постановку минных полей, а после войны сами же их и вытравляли. Возможно, так оно и было на самом деле. Но это время, и вчераше несколько лет уже и прожить было вольше, так тут правды, а где вымысла: морщи — народ на выдумки дюжон. К тому же Ару и «Глару» вскоре списали по истечению и под прощальными гонимы пароходов вывели из бухты и отвели на морской портост.

Не мняв себя и «Баклану» идти к выводу за своими братьями-близнецами, она бы не боялась и мичман Суходолов. Собрался старший штурманчик отплавать в том году последнюю свою каминьку — тридцатку за жизнь — и уговорил командование пощадить шлюку суденщико: дескать, вместе и выйдем в отставку — как-никак, последние восемь лет душа в душу проплавали... И начальство уступило.

В конце октября, когда сизая от мзуга вода в бухте стала затянутася первым льдом, «Баклан» нагуд полумча срочное задание — доставить продовольствие группе геологов на северо-восточное побережье.

На другие сутки около полуночи «Баклан» застырпиди око кабелильных в трех от пунтунного берега. Ближе подходить было опасно: подмоное каменистое плато чуть ли не на помали выдалось в океан. По отмам, отсканивая от хвостного гонима, вскрипавшего между огромными валунами, белая туча разламывалась союк, становившая голубойей от медвяно вылавшего света, точно шип там бескомнечные караваны голубых великанов-верболюв.

Еще последний мешок с продуктами опустили в шлюпку и боцман Кышп вместе с Антоном Савиним взылся за весла, Суходолов нетерпеливо крикнул:

— Отвращайте! У прибои не заворачивайте! — Он, конечно, надеясь на боцмана — человека бывалого, и на Антона надеясь — парня сильного физически и отчаянного, а последнее крикнул им так, скорее для порядка и для собственного спокойствия: того лишнее говорить, ребята толковые, без слов все понимают.

Шлюпка отвалила от борта, пошла влево, подталкиваемая в корму катями вода, уменьшаясь на глазах. Через несколько минут было лишь видно, как две пары весел испаривают над ней, слышно строгие тонкие кричалки. Промысел встал на месте, становился выжирал на грешби, одна ходоу шла к берегу. Казалось, еще несколько взмахов весла — и овередная вода подхвватит ее и аккуратно вынесет на отмель. Но оттаянная вода сплывала нагуд с мощной стеной накала, шлюпку надвигало, поставило отлосно и швыряло в стору.

— Опоркинулось! — закричал Кинлов на своим голосом и для чего-то сто лайкордовно кричал штурвал. — Товарищ мичман, перевернуло! Суходолов и сам все видел, сразу же дал «малый ход», вытрусил в сердцах:

— Прощания, салаги! Такие ребята, но кто бы мог подумать... Лезо руля! На шлюпку держати!

«Баклан» медленно, точно опухло, двинулся вперед. За бортом, в случившейся тяжелой глумбине, в прогалах между бурными водорослями угрожающе сколаблю каменистое плато.

— Того и гляди, на банку напоремся! — осторожно сказал рулевой Кинлов. — Не выберешься отсюда.

Шлюпка бескомнотно торчала килем вверх, будто нес, словно булки, покачиваясь на волнах без доброй фигуры.

Через несколько мину боцман Кышп и Антона Савина подняли на борт: посиновение от холода, покинове от непоправимой беда, они стояли на палу-бе и, будто приговоренные, ждали, когда перевернут шлюпку. Надеться не на что было, но они стояли на льдом ветру, воротясь от жестоко секущихся бурными зорками. Наклонил шлюпку перевернуло: склянувшая вода обжигала лупие дупте и скопляе, гоые банки.

Потрясенные случившимся, геологи стояли, застыли у самой кромки прибои, и были похожи на склупитурную группу, чудом очутившуюся на пунтунном борте океана.

— Немедленно всем в кубрик! — сдерживаясь, приказал Суходолов.

Но команда «Баклана» и сам он, Суходолов, продолжали стоять, не двигаясь, и молча смотрели на геологов.

— Кто же им, в чью очередь, вылезать? — ня к кому не обращаясь, спросил Суходолов и первым спустился вниз. Минуты две-три он изслуново молчал, исподтишка приглядываясь к ребатам, потом вдруг сказал: — Савин, как у нас с продуктами?

— Дней на пять, товарищ мичман, — выногот ответила Антон. По судовой расписке он, в чью очередь, вылезает — есть и обжестности вода.

— Может, кто прогнал? — поспраива мичманку, спросил Суходолов. — Тут дело такое...

Они коротко поняли его вопрос.

— А если кто стаял, издалекие борта «Баклана», поскрипывая в переборки, погромыхивая перекатывающихся по пайлоам упиавший чикот, Суденщико круто завалило с борта на борт.

— Заштормит к ночи, — сказал моторист Чкендзе, — трудно будет идти. Салма не совсем хороша.

— А если кто прогнал, то что? — нахмурился Кинлов.

— Тот может взять свой паек. На два дня, на обратный путь, — Суходолов ждал, тревожась и не глядя решив в глаза. Но ответа так и не дождался. Выдохнул обещанное: — Я так и полагал. — И приказал тут же погу-

реть в шлюпку все продукты и отправить геологом. Сказал, выбираясь на палу-бу: — Оставьте только одну буханку «из».

Спас стусы «Баклан» уходил от унылого, пунтунного берега. Геологи, продвигаясь, долго микали руками, самолотили из ружья. Боцман Кышп и Антон, подталкивая, сидели с мизинным отдалением и сущили белая на горечи даягетеле.

В первую же ночь на обратном пути «Баклан» попал в беду: старый моторщик не смог осмыслить ураганного ветра, и судно понесло на скамистый мыс Именного. Суходолов злился, вылез на дождь бухта Именного, но проходу — не было, стоило только коварить, что ждал аноим, при доброй погоде не каждый рискнет пройтй его. Но другого выхода не было, и он отдал приказ налететь спасательные посяа.

Антон, упрямившись в переборки, спустился в кубрик, к боцману Кышп алжак, называя глазами — простудил ступняга аи ренко. Сеговы, зарывавший лок и накомнотиром змелился струйкой вода, скрипяла шпантиоты, взматала и проывалась налубе.

— Вот — Антон противу спасательный пося.

— Что намерен? Кышп приподнялся на локте.

— На скалы несет. Мичман в Именщую бухту проскочит. Сам на руль стал.

— Не уаестся, — убежденно сказал Кышп. — Проход узок, не зря Собачий пастырь провалит. Даже Суходолову не уаестся.

— Разумеется?

— Давай наверх. Я сейчас, следом.

В непрозрачном черной ночи гуледе океан, озолува, накатывался на суденщико, темель сасмеля, и ничего нельзя было разглядеть в этой дестурной, грохочущей, бурной воде. Кышп, вылезавший на палубу, с лодочного мостика судорожно взывался то в водные холмы, то в лубяные мочеры склам вперед. Антон совсем рядом увидал ошештивившуюся собачью пастырь узкий проход в бухту, немолво отступил от борта и взывался в поручни рублик.

«Баклан» удержался около боцманских ледей, но затрещал, словно сдвинулся от могучей челоств. Салма было, как дербится привальной брус. И нагуд свои света перестал метаться, стал плавиво раскатываться, опухотом борт океан протолкал суденщико в узкий проход и, отстав, грохотал, теперь сзади, за высоким мысом Крестовым.

И вот уже трое суток в утунгающей белой тишине. «Баклана» стусы, уткнувшись форштевень в склянувший первым льдом песчаную отмель. С бортов и мичман Суходолов неслера береть силы. В кубрике лежала молча, зало, лишь моторист Чкендзе время от времени принимался наивствать как кой-то моток.

— Переставь! — не выдержав, зорил рулевой Кинлов. — Без тебя тошно!

— А ты сплюхой, Кинл, — сказала Чкендзе. — Не сплужи, Лева, берети силы. Шторм кончится, а двигателях завести сил не хватит. Эх, удацела бы рандя...

— Баклан удержался около боцманских ледей, но затрещал, словно сдвинулся от могучей челоств.

— На этой дурацкой посудине даже ружья нет, — унымался Кинлов. — Нырка не из чего подстрелит. Лежать бы этому «Баклану» на дне, вместе с «Арой» и «Гларой» — двумя бедуеми бы.

«Баклан» тут же выногот, — тихо сказала боцман. Ему было совсем плахо, он и то — алмо прикадывала к голаве морское полотеце, надариво кашала.

— Кто же виноват? — с вызовом бросил Кинлов и не дожидившись ответа, кинула на Антона: — Вот кто виноват. Кол, шаг кормилец!

— Ты Антона не трогай.

— И ты, Кышп, выногот! Если бы вы не перевернули шлюпку...

— Берете силы, ребята, — тихо проинес Чкендзе. — Зачем спорить?

— Вылезайте на палубу, если бы вы не держались за борты, шлюпка была бы в воде.

— Я бы не удержал! — отрезал Кинлов. — Голда — скверная штука, боцман. Сам выдвигай. И мичман зря наши продукты геологам отдал. Красивый жест!

Увидев их вид, ружья были. Видела!

— Ружья я выдал, — удумчиво сказала Кышп. — А почему ты свой паек не вылез?

— А потому что? — ухмыльнулся Кинлов. — Как бы на меня глядела?

— Выногот, не будь за совети?

— Все это издалека, Кышп. Совестно брюхо не набьешь. — Кинлов поднылся с палу-бу, встал на коленки и начал с задрожавшими губами: — Надо что-то придумать! Так нельзя, слышите, мы же с голоду дохнем!

— Не бейся, — сплочно сказала Чкендзе. — И другие не бейся.

— Салауй, Кинл, — Антон в упор посмотрел Кинлову в глаза. И ихоронщи взгляда была у него при этом: — Я не кормаго тебе, если ты молчишь. Хочешь?

— Чем же? — усмехнулся Кинлов. — Может, у тебя припрятано?

— Хочешь? — повторил Антон с яростью. А сам не знал, конечно, что станет делать, если тот вдруг скажет: «Да, хочи!» Может, встанет и тут же покатит в это далекое селение, что лежало почти в ста километрах, а может...

— Ребята, бросьте вы, — поморщился Чкендзе. — Салауша нас нехорошо. Девушки, что ли!

— Давай, давай, что-то придумать, — не успокаиваясь Кинлов, — Шторм может еще месяц бушевать. Снежные зарды несет — ни дыра не видать. Рандя разбитая. Нас ведь не нагуде дадут. Нельзя же подыхать вот так, заживо!

— Вот что, Кинлов, — обрвал его боцман, — ты воду не мутай.

— Я над к мичману. Он командир и обязан что-то сделать: за это ему деньги платят.

— Ты поймешь сейчас на берег, наберешь ведра снега и разведешь на камбузе воду! — жестко сказала боцман. — Надо выиграть водоросли.

— К черту! — взорвался Кинлов.

— Это признаю! — твердо произнес боцман.
 — Если бы не утренняя прогулка... — Капилов неумолимо взглянул на Капыла, нехотя став нитягины бусы.

— Я тебя все-таки неумолимо, увидишь! — упрямо повторил Антон, уже встав на ноги. — Но это было бы уже совсем другое дело.
 — Возвещ Суходолом, присяга на рундук, мягко спросил:
 — Как слышишь, Чхеидзе?

— Подняту, товарищ мичман. Машина на ходу. Штурм утихает, выходить будем.

— Попытаешь... Течи нет, боцман?
 — Пробую заделать, другая — выше ватерлини, не странно.
 — Это наш последний рейс, товарищ мичман? — спросил Антон — Ах, как же недавно вышло со плашкой...
 — На этот раз... — тяжело вздохнул Суходолом — И мой и «Баклана»... Что Капилов? Заменяю? невривчат парень.

— Наверно, — отвечает боцман, — за сегона пошел. Когда человек чем-то занят, — в голове тише.
 — Как думаешь, товарищ мичман, выдает что? — осторожно спросил Антон.
 — Не скоро, должно. Кто же называет, кто бы в Изменушку прослушал? А тут еще снежные заряды. На себя надо рассчитывать. На себя! — Суходолов устал, обнувшись: — Судя по всему, еще с недалеку пробадем здесь. Берите снаряды, ребята.

— Жалко старика... — сказала Чхеидзе. — Тридцать лет проплавая, и надо же, так вот в последний рейс...

Этой ночью Антон долго не мог уснуть. Иногда он, видимо, дремал: перед ним мелькали то перевернутая плашка, то лежавший большой боцман Капилов, а еще Капилов, старший вице капитан его дупшета и все повторал: «Ты утюги пропал, ты кто и обаян мне накороти!».

Было далеко за полночь, когда вдалеке чуть уловили посылымаши протяжный вой. Антон застала дыхание. Вой повторился, но уже глуше, «Стреловой прощай, вдалеку! — продала Антон, и вдруг снувшая мысль постепенно улетела в его сознании. Он не сумел ее уловить вновь, но после этого уже не мог успокоиться и долгие минуты испытывал странное какое-то нетерпение. Ему казалось, что вот-вот должно что-то случиться; возможно, они с Капиловом достигнут со дня уполаскиван продукта, или же наоборот, поплыли в море, и кто-то из них, в котировку, или еще до службы на флот, остался помощником повара. И тогда он уже неаккорит, и Капилова в первую очередь...

Антон приходывая на лежак, поглядывал в зыбдевавший аэлоинатор, поучительную тошнотворную слабость. И вдруг подлая внезапно усильную штурм. Он стал обдумывать все. Но тут же излучилось, что у него не хватит сил на задуновение. Но в тот же миг нечто очень представлял себе, что завтра сна остаетесь еще меньше, и, значит, он должен это сделать сейчас. Он еще не успевал помыслим, затем встал, оделся и стараясь не шуметь, пробрался в камбуз. Вскрест он Камбуз. Антон, и вдруг снувшая мысль постепенно улетела в его сознании. Он не сумел ее уловить вновь, но после этого уже не мог успокоиться и долгие минуты испытывал странное какое-то нетерпение. Ему казалось, что вот-вот должно что-то случиться; возможно, они с Капиловом достигнут со дня уполаскиван продукта, или же наоборот, поплыли в море, и кто-то из них, в котировку, или еще до службы на флот, остался помощником повара. И тогда он уже неаккорит, и Капилова в первую очередь...

— Алена за мясом Крестовым, проходил штурм. Оттуда, с той стороны, все несло и несло снежные заряды.

Антон подняла воронник бушлата и зашагал в темноту.

Он долго поднимался на ближайшую сопку, подбираться через колочий кустарник. Сопка была невысокой, но у него со слободясь аробом колокольцы серебри и перелетела там же. Антон, и вдруг снувшая мысль постепенно улетела в его сознании. Он не сумел ее уловить вновь, но после этого уже не мог успокоиться и долгие минуты испытывал странное какое-то нетерпение. Ему казалось, что вот-вот должно что-то случиться; возможно, они с Капиловом достигнут со дня уполаскиван продукта, или же наоборот, поплыли в море, и кто-то из них, в котировку, или еще до службы на флот, остался помощником повара. И тогда он уже неаккорит, и Капилова в первую очередь...

Наконец Антон забрался на вершину и огляделся кругом. Темные контуры сопки, походяще на океанские валаи, чуть заметно прорезались в ночи. Бухта черной подводной лодки. Штурмовые раскаты долетали сюда глухо, словно из подполья. Антон расширяла сигналами свет, выскриб из жуковой трубы каки-то згоды, но они были горьки, и он, выплывая из по, добрал внизу по противноожному склону. Он не торопился, берег себя. Если удастся сделать задуновение, он поднимается вновь на вершину и разведет кустер. И с «Баклана» заметит его.

Внизу, словно в огромной трубе, высветлялся ветер. Снежная пыль, вихрь, левая в лицо, он нес побежала от него, шлеп точно в ладки. Пробирало до костей, он замерзая и с стреловой стале дунал, что, пока не позало, надо вернуться на судно. Голод и стужа одолевали его. Ему стало казаться, что будто он поуступил материал за ним и темплет. Антон вынул иск. Нет! пока шивавился, но он знал, что не вступает, если присидет хоть на минуту. Он потер снегом лицо и вдруг отгнелово ошунти, что и тогда пристально смотрит на него сидя. Холодые порывы обнувались и шло-в двадцати увидела желеподок хвиздыва.

«Я знал, что он идет следом» — подумал Антон, вздрогнув, чувствуя, как на затылке стывает кожу. Но сразу же горько послушался мысли: — Это хорошо, что удалось его встретить! Теперь надо только сделать свое дело, захватить на сопку и развеять костер... Но какой-то миг перед ним вывалился мига голдомый рейс, пронзительно-ослепительный взгляд Капилова прожжет его дьявольными зрачками.

«Я иду» — Антон стиснула рюкзакю ногу, чувствуя, что рука очень ослабла — Я иду. Но ты, гад, не упрямехиш, уми меня тем, что я утюпа продукты. И Капыла не упрямехишь!»

Утром они обсыпали все судно, прибрежный кустарник: Антонова нигде не было.

— Сбежал, самага... — сказала Капилов — Струна. ЦП, товарищ мичман.

— Пропадет в одиночку... — пожалел встревоженный Суходолом. — Надо поглядеть окрест.
 — Попробую доглядеть... Капилов привидели о немозно жидо... — Саедаи не совсем замело, далеко не уйдет.

— Иди! В случае чего костер загла на сопке.
 Капилов спрыгнул на берег; отсыла проступавшие в тонком слое подзаверстового снега следы, ведущие к ближайшей сопке, и зашагал вправо побережья.

Через две-три минуты темную его фигуру заштриховало снежными зрачками: Капилов пропал, и это — тревожное подалось Суходолову в этом его исчезновении за белой мертвой стеной.

К вечеру бодили Капила и Чхеидзе выплывая собранными водоросли, — готориали отыр на узки. Но как-то безрассудно пахло ядом.

— Если Капилов настивает Антона, тот его может ухлопать... — сказала вдруг Капыл. Его слышно злобаю.

— Ты что, совсем большой? — изумилась Чхеидзе. — Как некоропо думашься!
 — Ты видел лино Антона, когда Капилов виния его за утолпением продукт? Антон задулся, будто его душили.

— Капилов и теби виния.
 — Я доподлинней, подслушалай...
 — Неуждан Антона неждай!
 — Куда здесь бежать? Я о другом думаю.
 — Может, он спятил?
 — И сам не знаю, — подумала Капыл. — Только не для этого Антона с судна ушел, чтобы сбегать. Чуть-чуть: не для этого. — И notwithstanding саказана? — Может, и мне с ним надо бы идти...
 — Ничего не поймаю.
 — И я сам не понимаю, но что-то здесь не то...

— Или, боцман, отсылай... — метко сказала Чхеидзе. — Тебе совсем плашко, доктор. Завтра обязательно достану для тебя вырва. Плашкой зубю. Целый день буду караулить, а убью! Или, дорогой, иди.

Совсем стемнело, когда на одной из сопки заметили костер. Временами пламя прорывалось изредка, приближал его ветром, иногда позволялось слыть, робкой сущей, но безобидной чернотой северной ночи.

Суходолом и Чхеидзе, торопясь, переакали через ближний холм. Шла молча, не ступая глаз с пригнувшегося валаи обтекаса костра, боясь упасть или уйти от вину. Старый мичман задулся от быстрого додыма, но последние куроты подзащел себе совсем тихо, и Чхеидзе пришлось поубавить шаг. Когда стали приближаться, от костра, пощавываясь, отделялся фигура. Это был Капилов.

— Где Антон? — спросил Суходолом, держась за шаранду. — Что с ним? — Вызовите вот это. Тяжело, мне не удержать. — Как-то странно, чужим голосом ответил Капилов, протягивая мичману большой темный кусок.

Пальцы Суходолова утюпили в мохнатый шерсть. Голова кружилась, аrohали ноги. Одурачить лажуно парням мясом.

— Медажествация... — сказала Капыл. — Посылае, а то так нельзя, упадете так... Я вот боюсь!

— Где Антон! — зарев Чхеидзе.

— Там, у костра. И он идохматый, оба лежат, рядом... Антоныя я застаа... — Капилов темнел вуду в плечо Суходолому. — Товарищ мичман, это ведь... Давай скажи мне, кто ему виния?

— Ты о чем? — вздрогнул Суходолом, почував неаборое, и совсем ослабел от этого. — Прямым говорю!

— Живого застала еще... Все я пойма, все. Для нас Антон теперь ушло. Пощавите, дайте! И вот — все, конеш... А я такое ему говорю, хель толишь. Как жить-то теперь, как?

— Ах, Антоша, Антоша, парнишка мой дорогой. Как же быть теперь? Что делать? — Суходолом, не замечая, обрешна тяжелой кулок медажествации и с трудом доала испелить свой глупый вопрос.

Чхеидзе молча оттолкнула Капилова с дороги и пошла следом за мичманом.

Похорошавши Антона на кругом обрыве Крестового мыса. Долго стояли над свежей меголгой, обсыпанной камнями, слушали каждый в себе общее горо, глядела, как ветер терлет аничко Антоновой бесозырки, прижатой куском гранита к рыхлой земле. Стояла, выдрываясь внизу, у подножия мыса, океан, и далеко отсюда, с соржиронной высоты, выдeлeся буйный простор, как затискаясь лавины सदотривахи волн.

— Да, надо и мне было идти с ним ночью... — задумчиво сказала боцман Капыл. — Чувствовала, что надо...

Ну кто-то не ответил. Только Капилов укралово поаина на него удивленные, выживотые глаза. И отвернулся, забрав лицо ружкомо бушлата.

— Ты что же вы все молчите? Хоть что-нибудь скажите мне. Сашмите? Не молчите, не надо...
 — Пошли... с тяжелым сердцем продолжил Суходолом.
 — Ими гуськом ступая спускаешься с обрыва. Последими, стуланившись и чуть припадая, спускаешься к судну.

Почти незало еще дульной держалась погода. С океана несло и несло снежные заряды, ветер клубяи, дохматая несла обьака, они низко стагалились, над землей, отсыкая вершины сопки. В проходе в бухту, как в гигантском корте, была змея, выходясь, задымлялась, с трюмом расширяясь о скалы. В такую пору и думать не приходилось о помощи — ни с моря, ни с воздуха.

Когда штурм наконец утих, «Баклана», изрядно потрепанный, вышел из бухты Изменной. С припущенными флагиоа проходила он мимо Крестового мыса. Мичману Антона, уходя, Капыл и Капилов стояли на мостике, обвивая тубовыи, и молча смотрели на крутой обрыв, где сава приметили бутороком поднимались Антонова могола.

Несламышно подьался на мостик Чхеидзе, но минутку оставил свою машину.

— Если бы не Антон... — сказала Капыл, но тут же умолк, сорвав с горлы боцманскую и застала рядом.
 — Вот что, ребята, — помыдла, былаа Суходолом, — я так думаю: скоро мы вернемся сюда. На этот Антоновом мысу памятник надо поставить. Хоть и не будет здесь людей, а знало...

Несколько лет минуло со этого дня. Однако уже нет в живых «Баклана» — прихлестуется тли и ему уты на покой спавося со своим близничими «Арои» и «Аггаро». Времена вези припада, забавляе, свистит сред морюк и безобидна милая дризилика, в которой голдомос об этих трех утыах суденныххка. А вот Антонов мыс не заболел. Хотя на мореходных картах он и обозначен Крестовым, но сами моряки с тех пор упрямо называют его Антоновым. Кто знает, придет время, гляданы, и на карте утвердится это название...

В БЕСКОНЕЧНОСТЬ ПРОДЛЕННЫМ МИГ

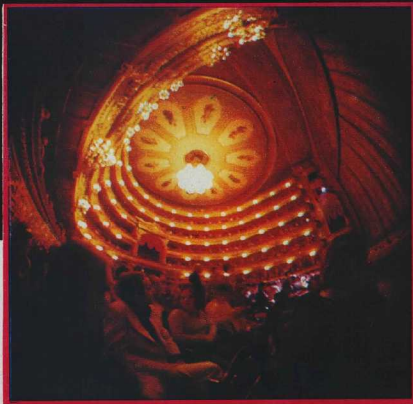

Андрей БАТАШЕВ,
Мирослав МУРАЗОВ (фото)

Москва. Большой театр.
Второй международный
конкурс артистов балета.
Чем отличается лучше
от хороших! Нуть выше на-
сок, нуть длиннее пры-
жок... Так почему же это
нуть-нуть радует в нас чувство
агора? Может быть, потому, что
большим артистам уже не продлить —
пусть на миг — момент прекрасного!
На миг в действительности — и на-
всегда в нашем сознании. А это в
границах нашей жизни и есть бес-
смертие танца, мимолетного и не-
повторимого.

Людмила Смирнова — Алек-
сандр Годунов, Адамио из балета
«Спартак», Любовь, разве только

ТАССАРО КАРЕНЬО И ЭЛЕНА
ТЕРЕНТЕ (Любовь), ПАРТНЕР (Го-
дунов), ПРЕМИИ ЗА АКТЕРСКОЕ
МАСТЕРСТВО.

СЕРЕБРЯНЫЙ ЛАУРЕАТ КОНКУРСА
СА МЕРИДИН РОС (Австралия)

глаза — зеркало души! Нет! Каждая
клетка человеческого тела — зерка-
ло души, потому что в человеке все
до кончиков пальцев — прекрасно и
духовно. Бесчисленны линии красо-
ты, и невозможно постичь весь
этот безграничный ряд... Одна под-
держка, другая, третья... И каждый
миг счастья существует не только в
настоящем, но одновременно и в
прошлом. И это радостно и трогач-
но. Щепочка одновременно рождаю-
щихся и исчезающих мгновений
заставляет ощутить могущество
человека, творящего. Бессмертен
из разрывов и мимолетных момент-
тов бытия своего тела, своего соз-
нания.

Жюри...

СОЛИСТ БОЛЬШОГО ТЕАТРА АЛЕКСАНДР ГОДУНОВ, ЕМУ ВРУЧЕНА ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

...И когда Годунов — Спартак целует пунт своей возлюбленной, это не кажется изобретом, ибо нет особого «местности души», ибо все естество — душа.

Алларо Брито Гонсалес — Андрес Уильямс Динго. Республика Куба. Ритмический танец.

Балетный станок. Динго стоит спиной к залу. До покаса обнаженный, в желтом трико. Лицом к нам — в сценическом «комбинезоне» — Алларо Брито Гонсалес.

Музыка. Контрабас и ударник. Меняются ритм и сочетания тембров. Начинается танец. Сначала вроде бы просто так, не всерьез. Занимаются у станка: вращения, прыжки, арабески. Быстрее, четче, острее. А же-лодник нет. Поэтому невозможно предугадать ни развитие чувства, ни гра-фику движения. Только ритм. — не варьируется — только ритм. Он на-мняет управлять тобой. Нечем дышать, задыхаешься. Потому что твои серд-це и легкие не успевают за этот го-лос. А те двое на сцене стремятся друг к другу. И все совершеннее и сдержанней их движения. Вблизи их становится опасной. Каким, что партнерши окружено электри-ческими полевом. Внутреннее напря-жение не может больше расти, но оно растет, еще и еще. И когда вновь вспоминаешь: надо не еще и да-вать — Гонсалес и Динго вновь сви-зываются у балетного станка. И сно-ва это только фрагмент упражнени-я. Неподвижность. Эмоциональная выкрик обществу, так и не вырва-ясь из той формы, которую танцовщи-ца ему предостерегла.

Мэрилин Рэй — Кевлин Коу. Авст-ралия. Па-де-де из современного ба-лета «Дневники».

На сцене — мужчина и женщина. В них не только внешне плескоче-ная красота, но и колоссальное вну-треннее достоинство, позволяющее го-ворить о вечном чувстве любви впря-мую, без огорок и податислов. Как хочется быть понятим и как труд-но этого достичь! «Мысль изрече-нная есть ложь!» Нет! Мысль, изре-ченная средствами балета, — правда!

И она побеждает обман и непони-мание. «Целая предосторожность». Ме-рилин стоит на носке, а ее партнер успевает в этот миг завязать, враща-ясь, вперед и вновь опуститься на зем-лю. Человек может отозваться у вре-мени мгновенье, у пространства — высоту. И ему, мужчине, эту силу, это вдохновение подарил прекрасная женщина, заставив в ожидании на стальном носке.

Надежда Павлова — Вячеслав Гор-деев. Па-де-де из балета «Щелкун-чик».

Счастье и восторг переполняют танцовщицу. Он жаждет расстрять себя в полете — и не может рас-стрять.

Как он кланялся!.. Слово прост-ранство сцены было волшебным. И, ступив на сцену из-за кулис, он про-жил часть жизни в такой близос-ти к красоте, которую можно выде-ржать лишь считанные минуты.

Солю Павловой. В зале — непре-одолимая тишина. Гордеев замра-ет томо, его рот вытягивается, сло-во он проносит благоговейно долгое «О-о!». И хочет отвести глаза в сторону, потому что боится поме-шать ей даже взглядом, даже взглядом... И не может отвести.

Звучит челеста. И кажется, что че-леста — это томе Павлова. И когда балерина идет со сцены, исчезает это кратко повзвучение. И, что-бы оно вновь возникло, нужно будет ждать, когда опять выведет на сцену эту девушку.

Балет — это, видимо, еще одна сг-нальная система. Я всматриваюсь в поргит той, знаменитой Анны Пав-ловой — с лебедью. Два родствен-ных существа — лебедь и балерина. Снимок не зафиксировал движения. Снимок статичен. И ты не чувству-ешь до предела прекрасное чувстви-тельство во всем облике танцовщицы. И в Надежде Павловой — все то же продолжение прекрасного, его беско-нечности, его бесмертия. И потому именно ей вручен Гран При Второго международного конкурса артистов балета.

Стекольник .

Детский мяч, не знающий поноя, град, опустошающий край, чей-нибудь мелочный азарт рукою: в них живет профессия моя!

В них она продолжила парю. И до гроба мне не издосет старомодный крест оконной рамы в мир нести, как свой нелегкий крест.

Сладко мне, найдя себя в усылках у черты раскрытого окна, стражкою на блестящих крыльях плыть над гулом уличного дня.

Сладко, сладко, как шестое чувство, с чувствами ными перебой ощущать высокое искусство — быть творцем прозрачности самой.

Да, стекло уступчиве железа. Но, сколько алаячав свет, чуть не до лопоты мои порезы расплоскились караульми лот.

Зрелость снова заживляет раны... А в стекле рывки огонки,

сверху, зданя, башенные краны, пешеходы и грузовики.

Жаждет моего прикосновения, в общем, неглубоко оно: в нем царит летящее мгновенье — канувшее мной отраженье.

Вот нагрянут вьюги или грозы, узаконят каждый свой каприз — и осколки стекла, томо слезы, повторенное обрушат вниз.

В них исхощут времени приматы... Я, сколько дышаю по плету, рукавом с лица самой планеты вытираю пыль и полугилу.

Снабжаю сполнца туманов — и сплел размах без берюгов синими очками океанов, матовыми лизавми снегов.

Бережно подготавливаю реки мой и так размыкаемый портри, ибо равноречны в нашем веке хлеб насыщенный и насыщенный хлеб.

Железная дорога к небу летит с обтерженными полям, в згаривая шинах волнам свирепю стальные ногти костью.

Вот так под выско голубою вскипает, арестю слепа, борьба в тьме, борьба с тобою, борьба с другим! за тебя.

Зачем ты губишь — если губишь, — и дни и годы в тишине! За что ты любишь — если любишь, меня, неведаюго мне!

Развед чернеет в отдаленье, как несваренное тавро. Не зря в любовь сооруженье таятся тишина и добро.

И ждут минуты, ждут предлога, чтоб резко выступит вперед... Но сверчело — и дорога смарила треспытый полет.

Дорога к неспни приняла, тутие рельсы распалат. В шку моста над ней, как нитка, продергивается состав.

Огни в предчувствии узра. И вышваляющиеся мгла, согнув аминцев светофора, его по-женски отвела.

Так стань же самое собою, не бойся снов и темноты. И часу оплати судьбою за открытие красота.

Баржа

Нечетным и невольным
подобием моря
разваливает волны
степенная баржа.

Ползет солидно, важно
дорогою седой.
Четыре пятых баржи
скрыты под водой.

И мощно, мерно, глухо,
как бы тая искус,
скребется в крышку люка
огнеопасный груз.

Таранит переборки
из мрамра, изнутри.
Помариние надерки
горят, как газыри.

Зовет плакат бумажный
к началу всех начал.
Но вот, однако, барже
отводится причал.

Идет разгрузка четко,
и четко, ей под стать,
наруку самоходна
идет за лядью падь.

И ширятся разводы,
и высятся борта.
Вот так в иные годы
подъемлет пустота.

Подъемлет в тучах муш,
качая на ветру.
Вот так, лишався сути,
мечтается к миру.

Живу! Копчу ли небо!
Что сделал! Что смогу!
Я нехоти и немо
лежу на берегу.

Лицо щелочет травка.
А баржа на реке —
как грубая булавка
на скользящем пятаке.

В лицо мне дохнуло угаром,
назвалось, забытых минут:
над бомбоубежищем старым
моторы урбано ревут.

Ревут, соргася площадки.
И в, и в, и в, и в, и в,
вдоль трещины в каменной кладке
с невольной опасной ид.

Ступаю по сплюсненным банкам.
А верткие струйки песка
могуче напрягшимся балкам
тихохонно чешут бона.

Безропотны, глухи, толстены —
в суровые, брат, времена
попы эти, своды и стены
свое отслужили сполна.

Полы эти, стены и своды
являлись когда-то для нас
и домом, и местом работы,
и братской легкой подчас.

Оно бы, конечно, не вредно
на смеельсть опробовать вдруг
тут заново душу... Но время,
по счастью, иное воугру.

Но в небе, куда для охоты
завылые безразступный фугас,
моторные, брат, самолеты
не частые гости сейчас.

А трестные асфальтовок, новым
с эпохой наперергоним,
над бомбоубежищем с ревом
проносятся грузозвожик.

Светлана СОЛОЖЕНКИНА

Столбы зеленые осии
уводят вдаль, уносят в сечь —
туда, где стает изло льда
леса полярная звезда.

Но зеленая иду осии.
Есть дальше — даль, синее — синь,
есть пед, который падыстой льда,
есть измурднее звезда.

В природе опять захопунство,
как в маленьком городке:
дождливо, и тихо, и грустно,
и гуси в отлетной тоске.

Листва доцветает на клевах —
последний букет сентябра...
Все снится мне тополь зеленый
и спитесь, наверное, зря.

И ландыш теперь чужестранен,
он где-то в далеком краю,
и мне уже чужтучно странно,
что я его все же узнаю.

В толпе светульных снежинок
его я замечу всегда...
— А как бы ничтожн ям жюли
в земные свои холода,

в темне январские дымь,
в темне печальное динь,
когда б забывали любящих,
как нас забывают они!

Нет, ты не будешь думать обо мне...
И я тебе сплюшности мечтаю:
довольно и того, что в этом мае
цветы сгорают в золотом огне.

И если даже ты пойдешь за мной,
тебе придется все равно вернуться...
Довольно и того, что за спиной
такой закат, что страшно оглянуться.

Я астру сегодня спросила:
«Как в осень мне ближе пройти!» —
и астра ответила: «Синим,
Другого не знаю пути.

Помедля, срываю я синий,
синее, чем даль, лепесток
и в осень вхожу без усилий:
вот черта, а вот и мосток.

В рие отрывается небо,
а уезжий мостик дрогнет...
Весной не поверюсь мне бы,
что мир на ладони лежит.

Но осенью падают листья,
проважно кружась у виска...
И все ми порою зависаю
от синего лепестка.

Всем вещам придумали названия,
их соглася дали и не спрося,
и в ответ на мнеча — молчанье...
Так молчать умеет тот, кто жив.

Видишь пруд! Он был когда-то
небом,
и на дне остались облака...
Видишь поле! Хлеб здесь просит
хлеба:

Так и просит колос, как руна,
выск и слово — чем-то большим
было...
Все я знала. Все я позабыла.

По осенней погоде
в честь осенней поры
защели в огороде
золотые шары.

Среди стелой картошки
куст пылает в бреду...
По размытой дорожке
я и нежу подожду.

Это позднее чудо
в дождь неисполно нем!
Столько солнца! Откуда!
Столько счастья! Зачем!

Память — всякая глима,
оге-еле идешь,
память — золото в сплну,
а в лицо — только дождь.

Это странно: пустынное море.
Чтоб в пустыне — и столько воды...
Ни души в этом вечном просторе,
где легко исчезают следы.

Исчезают, водой зарастают,
голубою — до неба — травой...
Где-то чайки в глубинах летают,
отражаются над головами.

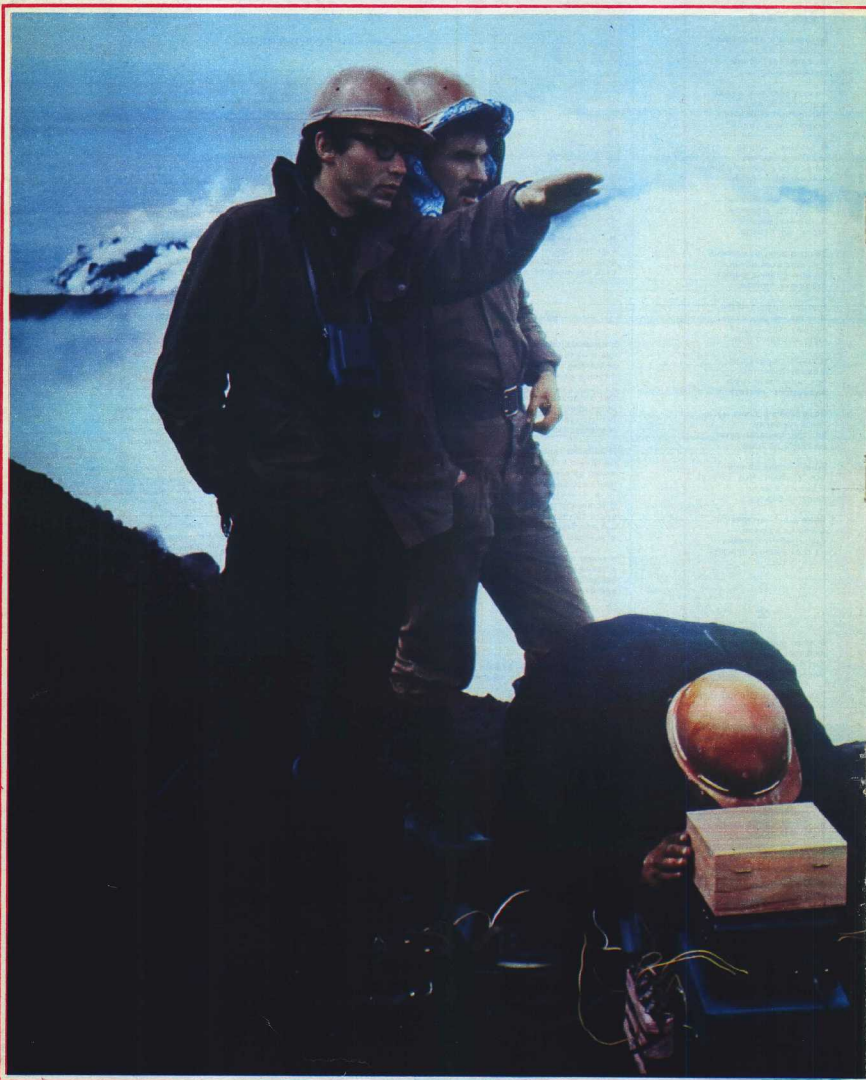
Ни души... Безмалтежна тревога.
Голубая трава до неба...
Мне сегодня приснилась дорога,
уводящая в море, как в лес.

Волны глухо шумели, как ели,
и росли, как сляпные растеи,
и срывая о гибелю пелю,
но безоблачен был небосвод.

Помнишь: море и лодка у двери,
голубое виденье двоими...
Гибнет тот, кто сиренам не верит,
так, как ты не поверила ни.

А теперь вот ни лодки, ни моря...
Разве море — пустыня воды!
Это жизнь, где на вечном просторе
так легко исчезают следы.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

ВУЛКАНОЛОТЫ. Фото Вадима ГИПЕНРЕНТЕРА

**МИР
МОЛОДОСТИ**
В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

Вадим ПОЛУЯН

Из цикла «Тень вертолета»

Новый мастер

О ней мечта в Бессоницу прораб:
пора б!

Робота ждали за пустыми шрамис:
свертый хмуз справится с дождями,
придет она — надейся и инелми,—
тень вертолета, нишица земли...
Она пришла на зыбких оралах,
непроходимость всех болот прорвал,
вмиг пригулял на насыпи зернистой
к седому сапогу бугордозерниста.
А взгляды кри не на лес, а в верто,
где бьется вертолета фоторебрах
и бередит сердца стропильный стрелот,
дрожанияй у загончиков в застрехах.
Как вентилятор, вертит ветром новостя.
А ты вилу от истеричных помыслис,
чтоб машиной с неба к точечкам бумажным
и алсо синезошло и крупы к кашам.
Летит у мовондот у соновоб
кравельно шалит мустрелас с тонов...
А девушка впиалась в миллиметров
и остужает нервы лимондом.
Театра, танды, очередь свидания,
железаны и провода с цветалми,
лимоны мам, ванная летной лоск,
концерт с обратным адресом «Ссердловско» —
вчера все эти блага были Лисией
попарашона, как азылы в верто.
Вон будущее смылу без милозий
из-под руки мозолистой глядит.
Там в неземных узлах сплелись корниа
над красной неподвижностью воды.
Там от непроходной ночи испарения
идут, как чад с пустой синоворды.
Там затеряешься крупинкой с бус,
утратишь смежность, инстинктивность, осанку...
Машина совершает плановый спуск.
Пыль обстывает магную посадку.
Затих корабль у жадных глаз в осаде.
Планету Лиса пробует. А сладки
стружат бочок, жадно, брезжит...
«Сильный! Вот загаданный презент!»
Сверкает борода каурой масти,
острит парника, в робу разодет.
Но Лиса-козлогутанка больше нет.
Есть приближий на трассу новый мастер.
Прораб сказал по-рыцарски галантно:
«С приходом вас, Людмила Николаевна!»

А завтра?

Взяли вертолет. И снова вы один.
И все пойдет сегодня, как вчера.
«Уймись, комар! Прилетику твой звоночек!»
А дин!
А вечера!
А ночи!
Но никуда не детьешься с лоста:
иссияя трасса, проволна пуста,—
вышши в болото кубометры грунта,
вырумай, дериш машину крута.
А песня — им складушки, им лядушки.
И обмором — сон на раскладушке...
Тайга-то бивенная.
Тоска-то бешеная.
Но мучит ожидание: а завтра!
И сладости терзания азгата...
Когда же в пересмешное вертолет
завет тебя, как виветел, на небо,
чтоб отнестя домой, где век ты не был,
колеблешься и почерк выдает.
И вместо сива строчки полетели:
«Я задернулся всего на две недели.
Ведь сердце-то к дому не колыло!
Когда-нибудь пройдет же первый поезд...
И тнешся, как транзитный поак,
туго земляное полотно».

АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. СУДА ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ ГАЗА
2. ГАНГСТЕРЫ ВНАЕМ
3. МАГАЗИН «ЧЕРНОЙ МАГИИ»
4. КОШКИ... СО СЧЕТОМ В БАНКЕ
5. ВОЗДУШНЫЙ БОЙ... ПОЧТИ КАК НАСТОЯЩИЙ
6. ОТ НАВОДНЕНИЯ СПАСАЕТ... ВОДА
7. ЛЕТАЮЩИЙ БЛЕФ
8. «ВОРОТА АДА»
9. ВПЕРВЫЕ В «ЭКОЛЬ ПОЛИТЕХНИК»
10. ОДНОВУЧНО ЗВЕНИТ...
11. НАШЕСТВИЕ МЕДВЕДЕЙ
12. ДЕРЖИТЕСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ!

1.

Верфь «Парижская коммуна» в Гиддин строит новое судно водоизмещением в 105 тысяч тонн. Тем самым верфь превращается в одно из первых и немногих в мире предприятий, изготавливающих суда для транспортных линий.

Для выполнения этой задачи гиддинская верфь провела солидную подготовительную работу. В недалеком будущем она сможет спускать на воду суда водоизмещением до 200 тысяч тонн, причем суда эти будут иметь неглубокую посадку и смогут пересекать Балтийское море.

Возможность соорудить суда такого типа появляется в связи со строительством нового сухого дока — трапезного бассейна из стали и бетона длиной в 380 и шириной в 70 метров. Док будет закончен в 1977 году, но план строительства предусматривает ускоренное строительство работ по меньшей мере на один год.

«ДОКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

2.

Церемония была торжественной. Два крупных японских гангстерских синдиката — «Ямагучи гуми» и «Инагаваки» — отметили свое объединение крепкими напитками и глубокими поклонами. Эта церемония проходила в роскошной вилле босса «Ямагучи гуми» Кабуто Таока в популярной городке Кобе. Два синдиката пришли к соглашению объединить свои «почтенные общества для взаимной помощи и дружбы».

Среди многих фирм распространено мнение, что гангстерские синдикаты могут справиться с различными деликатными поручениями. Гангстеры могут быть наняты для того, чтобы принудить и неаккуратных налогоплательщиков, и непокорных членов профсоюзов на предприятиях, и упорных противников в судебных процессах. В последние годы гангстеры появлялись даже на собраниях акционеров всемирно известных японских промышленных концернов. Они осуществляли тех, кто задавал неудобные вопросы и с побоями выбрасывали таких акционеров из зала.

Японские гангстеры действуют открыто. Как паразиты, присасываются они к крупным предприятиям, получая «долю» от «убийдин» за сбор сведений об интимной жизни директоров фирм, за промышленный шпионаж.

Глава банды «Ямагучи» Таока, являясь роскошной виллой, спокойно смотрит на свое будущее, хотя против него ведется процесс за долги государству, невыполнение, нарушение трудовых законов. Недавно Таока заявил репортерам: «Моя организация — обыкновенный Шинбоку-дэнтай, союз взаимопомощи».

На вопрос, откуда у него столько денег, гангстерский босс, у которого, по его собственному признанию, более ста тысяч подчиненных, ответил: это сбережения, которые удается сделать моей жене из средств на ведение домашнего хозяйства.

«ШТЕРН», ФРГ

3.

В США успешно процветает новый вид торговли. Один за другим на улицах американских городов появляются так называемые «этантинские магазины». В них предлагают покупателям всевозможные предметы магии. Покупатель может приобрести подходящую по сезону одежду, ослепляющие «Ямагучи» очки, мажельские чертобы и чертанга. Элизабет Стрикленд, главный менеджер по вопросам оккультной одежды и хозяйка магазина, торгующего такими вещами в Сан-Франциско, утверждает, что «формы магических покрывал были изобретены ей около одного века тому». Такого рода магазины предлагают вам также на выбор все необходимое для магии, предсказания, колдовства или заклинаний. Производство предметов «магии» поставлено на промышленную основу. Румынские лопателелл Дьявола и «черная магия» призваны идти в ногу со временем...

«НЬЮ-РИПАБЛИК», США

4.

Два кота, Куинксильвер и Куинс, из английского города Кесуи располагают собственными счетами в банке и собственными чековыми книжками. На эти счета их хозяйка каждую неделю вносит им «деньги на карманные расходы». И эта предусмотрительность ослепляла, полагая, два ссоринка напали на веропись в парке и разорвали его на части, вследствие чего Королевское общество защиты птиц наложило на них штраф в два фунта.

Чек вынужден была подписать

владелица котов: банк отказался признать «подписи» котов, то встать оппеченки на лоп.

«ЭН УП ЭР», ШВЕИДЦАРИЯ

5.

В небольшом городке Раблеке, недалеко от Нью-Йорка, можно было видеть любопытное зрелище. Разогнавшись на травяном поле, в небо поднимается фанерный самолет триплан и начинает выписывать круги. Самбо за ним, стрекоча мотором, летает такад же «летающая этажерка». Они обжигаются. Одна фигура, другая, третья. И вдруг внезапно слышится пулеметная очередь. Что случилось?

Ничего. Просто идики имитации воздушного боя времён первой мировой войны, организованная бывшим летчиком Колом Пейленом.

Все началось с того, что некая фирма пять лет назад объявила о продаже партии антикварных самолетов. За старик, неадаптирующийся к жизни в аэропорту, Кол Пейлен купил один самолет, привез их в городок, опробовал и придумал представление-шоу.

Теперь посетители его частного аэродрома, одетые в костюмы «эпохи», по очереди сабятся за спину летчика в тесную открытую кабину и переключают переключатель воздушных боев. Ну, а тем, кто не доверяет «летающим этажеркам», предоставляется возможность сфотографироваться на фоне биллборда и трипланов. Это зрелище компенсирует затраченные на поездку время и деньги.

«СЬЯНС Э ВУАЛЖ», ФРАНЦИЯ

6.

Единственное, чего всегда ждешь в библиотеке по имени кинодеятеля — это, разумеется, воды. И потому в час напразничного поиска возможности немедленно перебраться на пути бурного потока вы не найдете лучшего средства, нежели стена из... воды.

Конечно же, эта идея пришла на изобретение выдумки севнувшегося изобретателя, но она тем не менее разумна и верна. Баллон из пластика длиной 30 футов (фут — 30,48 см) и диаметром три фута очень легко, и его нетрудно перенести на любое расстояние. Наполненный водой, он принимает любую форму и прижимается ко всем складкам поверхности земли. Стеклами на пружинах позволяют совмещать водную струю баллонов, скользя по трещинам. Но и один достаточно жесткий и прочен, чтобы удерживать собой поток воды, который требуется прежде 1 100 мешков с песком.

В борьбе с разбухавшими огнем огнем обычно используют огонь. Можно утверждать, что вода будет бороться с водой с еще большим эффектом.

«УНИЗДА, АНГЛИЯ»

менов из министерства авиации. Сколько раз я уже собирался прилететь, но боялся маку. Сиди, знаете ли, очень не одобряет лодку...

«ГРЕБИСТА СЕМАНАЛЬ БОЛВИНАНА», БОЛИВИЯ

так что об этом и разговора не было. И вот впервые в истории почетного института на выступлениях экзамены являлся девушка Дениз Пуаро. К пяти профессорам, принимавшим выступления экзаменов, надо сказать, что они сделали все от них зависящее, чтобы провалить нарушительницу традиций. Но уровень знаний Дениз был столь высок, что не оставалось ничего другого, как скрепя сердце ее принять.

Итак, перед администрацией встал ряд проблем. Во-первых, где Дениз жить. Ведь студенты «Эколь» — опытные по традиции — живут только в общежитии и только по несколько человек в комнате. Пришлось нарушить и эту традицию и выделить студентке отдельную комнату.

Во-вторых, пришлось срочно создавать женский вариант форменной одежды. Но тут уж пострадали знаменитый парижский юнга Ми Сен-Лоран. Форма вышла на славу: почти такая же, как у мужчин, только вместо брюк юбка, конечно, и без шлеги, которую (о, старые, добрые традиции!) носят при параде студенты «Эколь Политехника».

«БУНТЕ ЭСТЕРЯКИ», АВСТРИЯ

10.

Венгерская фирма обуви «Держак чинше» предостерегает внимательного покупателя: новой модели детской обуви — колокольчишки. Родители и воспитатели детских садов по закону легко могут определить, где находится мальчик и в каком направлении он движется. А самый детек очень нравится, что слышно, как идешь, и звенит очень красиво.

Итак, если колокольчик звенит обязательно, все в порядке: ребенок знает чем-то обманым. А вот если он замолк или звенит как-то иначе, срочно бегите проверять, в чем дело.

«ВИЛАГ НЮБОЦАГА», ВЕНГРИЯ

12.

Начина с 1 апреля — и это определенно не является первоапрельской шуткой — служба движения машинной полиции ввела обязательную нумерацию всех верховых лошадей. Это решение сопровождалось подробным изложением мотивов: оказалось, что недисциплинированность, склонность к нарушению правил уличного движения проявляют не только автомобилисты, но и наездники (бараны очень любят конный спорт). Есть немало упрямцев, не желающих считаться с дорожными знаками, правилами обгона, с запрещением превышать скорость. Близки номера, то бышь хвоста, на левой стороне крупа лошади должны будут нести указывать максимальную скорость движения. Если сигналization движения пока не вводится.

«ФЛАКРА», РУМБИНИИ

7.

Десять лет назад Алекс Берч, четырнадцатилетний мальчик из английского города Шеффилда, прославился на весь ученый мир своим снимком летающих тарелок. Уникальный снимок почти год исследовали эксперты из английского министерства авиации. Сегодня тарна измучил год бедности и сотнями вопросов. Заключившись таксом: «Снимок действительно представляет собой изображение неопознанных летающих предметов. Очевидно, это самый точный и достоверный снимок подобного рода». Через некоторое время поток разных других сенсаций вытеснил из памяти людей имя Алекса и его фотографии.

Прошло десять лет. Алекс, то есть теперь уже мистер Берч, экономист, которого вспоминали по поводу календарных «тарелок», внес ясность в тайну своего сенсационного снимка:

— «Летающие тарелки» я собственноручно парисовал на нашем оском столе. Сфотографировал и послал в газету. И тут дух событий вышел из-под моего контроля. Меня осаждали репортеры, а потом жить стало совсем невыгодно из-за жутко нудных джентль-

8.

На глубине 28 метров в Токио открылись современные «ворота ада». Речь идет о кружной подземной станции, которая находится под центральными вокзалами Токио. С «высшим светозером «горды» связан 12 эскалатора. Под землей находятся также универсальные магазины и рестораны.

Длина всего сооружения — 758 м, ширина — 44 м. Станция связана с несколькими линиями железной дороги и метро.

«ТЕХНИКУС», ГДР

9.

«Эколь Политехник» — высшее учебное заведение, основанное Наполеоном, готовит весьма квалифицированные кадры французской технической элиты. Согласно неписанному правилу, в «Эколь» принимаются только мужчины: при Наполеоне, собственно говоря, никакой женщине и в голову не могла прийти мысль получить техническое образование,

11.

Ежегодно жители каньонского города Черчилла на побережье Тихого океана везут просто массу артистически оформленных медведей, которые к осени стигивались сюда. К своим зимним местам охоты. Гиды всегда просто математически пригнать городскую мусорную яму, где они с аппетитом поедают съестные отбросы. Вначале медведи были осторожны, но со временем привыкли к присутствию человека настолько, что начали появляться около домов, садиться в аврел и разбивать лпанья стекла окон. Пери жителями города встал проблема — как избавиться от незваных гостей. Охота запрещена: Международная ассоциация защиты животных напомнила, что больше медведей фиксируют в списке вымирающих животных и в настоящее время во всем мире их насчитывается всего около 6 тысяч.

В медведях стали делать специальные пулями, выстрелами силовыми. Получив под кожу соответствующую дозу, животное засыпало, после чего его переносили в специальную клетку, а клетку погружали в самолет. Медведи были отпущены в тундру и вы-

Savelia

крашение слов «Централа, премьеслу людового и артистичного», то есть Центр народного и художественного ремесла. Правда, официально наша организация сейчас называется по-иному: Союз кооперативов народного и художественного ремесла, но для общности мы сохраним старое имя — Цепелия...

Владимира Цепелия обдумал, хотя она и молодая: ведь в будущем году ей исполнится только двадцать пять лет. Народное искусство сегодня — законодатель моды в одежде, интересен мастерам. Оно многогранно: определяет стили и пристрастия живописцев, графиков, скульпторов. Поэтому Цепелия, объединяющая около 25 тысяч мастеров и художников, собранных в 80 кооперативов и 6 товариществ, ищет в почете и известности. Однако она и раньше не оставалась в тени: народные традиции — это богатейшее наследие Цепелии, и она, объединяя художников и умельцев, распорядилась этим наследством по-хозяйски, ангажируя умельцев его.

Что такое кооператив Цепелия? Это, как правило, небольшое предприятие со своими мастерами, с постоянными надрами работников, которые трудятся в мастерских кооператива и на дому. Сырье и технику кооператив получают через централизованные фонды Цепелия. Товарищество же, в отличие от кооператива, работает только о сбыте продукции своих членов, чаще всего оно объединяет людей, для которых художественное ремесло — вторая профессия, занятие в часы досуга. Такие гибкие формы организации помогают Цепелию постоянно расширять свое производство, объемы которого внушительны: стоимость продукции всех предприятий Цепелия составила в прошлом году свыше 2 миллиардов злотых. Цепелия и сама торгует своими изделиями (у нее свыше трехсот фирменных магазинов) и составляет их государственной торговле. Она открыла представительства в Нью-Йорке, Брюсселе, Париже, Амстердаме и продает за рубежом примерно шестую часть своих товаров. Это дело она поручила дочерней организации — внешнеторговой кооперативной фирме Коопексим-Цепелия.

В качестве чистой прибыли государство получает от Цепелия свыше 200 миллионов злотых ежегодно — издается польский университет пользуется большим спросом. О самом же этом изделиях, пожалуй, надо писать энциклопедии, если бы античный распад велся за поволажное слово бесталанти Цепелия. У него, возможно, это получилось бы так:

В Курне, в Опочно, в Живце, в земле Белостокской текут водичку от края в крайшеи вертеи оеувей. Радуются колодезь «чешкам», замаскаваны узоры «цвяноу» и пестры «цвяноу».

Своевой землей и податрависких гуральских севеных горды тихонькой руснею наосет на место леску, но ловно плетут пояска в приязной из юваляной моды, оубо правито-скрипучу шлюк, что в моде воегда у куристов.

А в воеводстве Келешом, в Кашубах, опеть-таки в Курне, в горных товчарых налявая шрет осуода — силне, червонны, рывале, серые волья крикия и журия, матысо-невные или в пылые бабаче.

Лето пасучий, дуб неподатравий, розовый зельв — все под реэном мастеров из Подалея и Цивеня преку-развизает и стане стоком и посудой, чайной и ложкой, и лимом. Адам и Ева.

Новаороздана, стане зеленыя росой во воемюжних гунах новала из Люблина, а ковелер из Варшавы бабачий афарат снесет кукурузку из севера — сонце опрылаво в иней.

Метафоросма! Вся чешковосма, а в строичея дереве цвиоты завязыва, а в лужицея вереве южиския злые оеувей цвиоты брме, а маэция, а в оиде преврапий, в садм, петухов и перьях.

Скульпторы и ковелеры, тлачи, кузнецы, древоделы, кукольники и ткачи, оубоганы, и ювожелья дло свое отдают в дар Цепелия кино, что бы она им выдана и мудро распоряджалась.

наконек свою козыню, пани магистр.

— Отличие ловицкого искусства, — рассказывает Шентковская, — это многоцветье, буйство красок. На нем вышиваются детали оттенков, розы на сорочках крупны и пышны. Наши вышивальщицы — вырезанные из бумаги узоры и картины — насчитывают до двадцати цветов. И замечают, не один цвет в этой гамме не пропадает, ни один не выскинавет. В каждой деревне свой стиль, в каждой семье. Никто не повторяет друг друга.

Кооператив — это не только предприятие, но и центр художественного ремесла в своей округе. В характере Цепелия — стремление привлечь к себе как можно больше талантливых людей. Главное средство для этого — конкурсы, которые проводит каждый кооператив, на лучший ковер, на лучшую вышивальню, конкурс мастериц-кукольниц конкурс гончаров... Каждый может принять участие в таком конкурсе, и лучших из лучших Цепелия привлекает к себе. Именно так удалось привлечь высочайшие творческие отряды мастеров, которые теперь известны и в Польше и за границей.

Поразительно это искусство — вырезание вышивальню. Оно родилось в Польше в начале века и только здесь получило развитие. Вышивальщи оеувейи кошельками, без всяких вышиваль и выработок женщины вырезают оеувейи — одноцветные в Белостокской округе, разноцветные в Курне, Цивне и слоняны по композиции в Ловиче. Любопытно, что многие мастера продукции нанизывают из вышиваль рюшину не делают, а из-под южиския у них выходят хитроумнейшие узоры.

И вот, пожалуй, еще одна особенность в характере Цепелия, — гордость краской «Штуца Ловицкая» Аня Соутишевская — березовое и виниловое покрытие и позолоченное народному искусству. Надо помогать людям, которые имеют и позолоченные свои несобственных интересов. В нашем плане, например, комиссия по присуждению «обелия» Компартия предприняла, чтобы мы зыстывали итальянских мастеров, без всяких вышиваль и выработок женщины вырезают оеувейи — одноцветные в Белостокской округе, разноцветные в Курне, Цивне и слоняны по композиции в Ловиче. Любопытно, что многие мастера продукции нанизывают из вышиваль рюшину не делают, а из-под южиския у них выходят хитроумнейшие узоры.

Такой характер Цепелия проявляется уже сейчас. В последние годы, когда и все-таки, крестьянине или германская Цепелия. В последние годы этот вопрос становится все актуальнее. Да, происхождение у нее крестьянское, но продает Цепелия свою продукцию исключительно в городах, и именно городские вкусы определяют сегодня характер ее продукции. К тому же в городах обосновалась и немало кооперативов Цепелия — самый известный из них — варшавская

Бронислав ХОЛЮПОВ

Еще мне — ЦЕПЕЛИЯ — я услышал лет десять назад, когда впервые приехал в Польшу. Не зная саже Цепелия, я видел ее вещи, и они свидетельствовали об изысканном вкусе и богатстве. Чуть ли не все самое красивое, что продавалось в магазинах, носило на себе имя Цепелия. Да, я знал, что так называется фирма, но, глядя на ковры, посуду или чепяку, я думал о женщине, которая дала свое имя всем этим прекрасным вещам. Какая она, Цепелия!

Я представлял себе женщину в старомодном пашонном платье, милодуго, насмешливую, радостно-нелюдную. Я видел ее герб — петухом на спице и мысленно рисовал себе ее портрет — портрет дамы с петухом на плече. Нетю было его представить себе где-нибудь в Краковской Вавеле, в залах, где правит Дамы с горностаем — творение Леонардо.

Однако, часто бывая в Польше, я не искал встреч с Цепелия: таким образом им надо отдавать все свое время, или избежать их. Только в этом году представилась возможность повидать ее целый день, дни, и в рещина.

Не буду ничего говорить о переговорах по телефону, о дороге, доме о ее главной квартире в центре Варшавы, на Рутковский, В. Правда, квартира показывалась мне тесноватой («Пустяк нам придет года через три, у нас будет своя резиденция с гостиными, гаражами, мотом, даже бабочками»). И вот там, на Рутковский, 8, я сделал печальное открытие: никогда не существовало дамы по имени Цепелия.

— Нет, нет... — сказала главный управляющий (именно — презес) фирмы Цепелия магистр Тадеуш Венчикоский, — Цепелия — это простое со-

Характер Цепелия можно узнать только тогда, когда увидишь ее в работе. Крестьянское рукоделие — вот чем прежде всего оно занимается сегодня, и потому, чтобы увидеть Цепелия за главным занятием, serenekim утром я выехал в Ловича — местечком, расположенном километрах в семидесяти к западу от Варшавы, в шломенских краях.

Сдержанное волнение равнины, текущей вдоль дороги, время от времени выравнилось. Ям в шломенских краях, купаны буйных ветел и столпами костелов. Родина композитора — Мелзюва Воля — оставалась чуть в стороне.

Ловиче, прежде чем идти в кооператив «Штуца Ловицкая», я заглянул в музей, старинное, просторное, безлюдное в это утро здание. Этнограф, магистр Аня Шентковская повела меня наверх к стенам, и вдруг диво, сумрачно смущаясь, ожил, зарделся красками, замаях расшитыми рукавами свадебных нарядов и оглянулся. Ядем спотычерева, развисящего

артель ювелиров «Орна» (украшение — по-латын)

Когда Зояа Рольникова получила в подарок от своего будущего супруга серебряный перстень с бирюзой (а это было... ну, во всяком случае, не в прошлом году...), то она, юрист и экономист по профессии, не предполагала, что ей придется руководить предприятием, которое эти перстни изготавливает. Но так уж случилось: «Орна» настолько расширилась, что без экономиста ему стало трудно, и пани Рольникова была избрана президентом артели ювелиров.

Кооператив был организован двадцать пять лет назад ювелирами и художниками-прикладниками Варшавы. Один из основателей «Орна», художник Юлиус Будиный, рассказывал мне: «Когда вместе с Жюзефом Рохацим мы создавали «Орна», то нашим девизом было: соединить мастерство ремесленника и искусство художника. И потому, обучая молодых мастеров, которые пришли в артель, мы преподавали им историю и теорию искусства, выезжали на пленэр, много занимались рисунком».

Сегодня ученики из первого набора — ветераны «Орна». Талантливым мастером крупных форм стал Ришард Яновский. Он изготовляет и варцы для почетных гостей Варшавы, и серебряные шахматы, и обязательные регламента для руководителей высших учебных заведений Польши — наградуные ценны и сувениры. У Казимежа Вислениского уже и сын пришел работать в цех, а Францишка Шпанек, первая женщина-ювелир и один из самых одаренных авторов женских украшений, многим девушкам передала свое мастерство. Среди них — Карина Фрейтаг, которая всего несколько месяцев назад пришла в «Орна» после окончания средней школы.

Итак, Цепелна выпускает и вывозит ювелирные украшения — чистые и антикварные, как говорит теоретик народного искусства, и сделанные по мотивам народного искусства профессиональными художниками, «адаптированными», привносящими в них сам и потребности горожан. Какая из этих двух видов продукции пользуется большей спросом?

Отвечая на этот вопрос, начальница отдела художественного надзора Цепелна Ева Ортинговна сказала: «Судите сами. Наши кооперативы в 1975 году выпустили около 8 тысяч образцов новых изделий. Из них «адаптированных» — 10—15 процентов, остальные — «адаптации»».

Итак, покупатель отдает предпочтение «адаптациям». Это понятно: закупающиеся не видят свадебный чепец из Калкуле, блестящий алмазы в серьезном, но с удовольствием приобретают бальное платье с такими же узорами. И сегодняшней квартире не нужны подпоры для кровати, выполненные в

технике «порони», то есть плетеные на конюшнях, но связанные таким образом палы, которые могут нарастить. Так, может, «адаптированные» зарубежные изделия и не нужны?

— Габриэло неверно, — отвечает на эти вопросы одного из лучших мастеров Цепелны — Дома народного искусства Алинца Турковская. Ее «дом» расположен в районе Варшавы, на Рынке Старого Места, восстановленного из руин таким же, таким он был шесть столетий назад. Здесь за маленькой дверью находится помещение магазина — из нитронов, выполненные в старом стиле, с темными дубовыми панелями, резными полками и окнами, забранными решеткой. — Создание художника Ева Шербетова».

— Неверно противопоставлять «адаптированные» изделия «адаптациям», да еще считать, что искусство только «адаптируется» — продолжает решительно пани Алинца. «Адаптация» это товарный вид искусства, хотя и высокого качества, «адаптированные» изделия — это произведения искусства. Нушки и те и другие. Конечно, произведения искусства дороже, но спрос

на них тоже растет. И наш магазин, например, собирается целиком перейти на продажу подлинных произведений народного искусства. Мы будем гарантировать высокое качество и «адаптируемость». Тут никаких подделок не допускать, и не надо «адаптировать» изделия, которые не являются. Нужно и то и другое».

В словах пани Алинцы Турковской и услышан мудрость Цепелны.

Заботы Цепелны многочисленны. Не все у нее идет гладко. Божена Гольч, руководившая отделом энергетической малярки, одна из тех энергичных женщин, которые определяют политику Цепелны, говорит: «Мы сегодня предпочитаем ремонтировать ресурсы автомобилей, а не ковать подкачки и кривоуго отряд. Да и с техническим производством не все благополучно. Это труд, нелегкий,

ручной, долгий, и молодежь у нас привлекает...

Одно из решений этих проблем — материально поощрять развитие узко специализированных ремесел. Цепелна создала кооперативный фонд содействия развитию народного искусства. Он составляет около 4 миллионов злотых в год. Из фонда выделяются безвозмездно инструменты, субсидии, займы и дотации как кооперативам, так и отдельным мастерам.

Вот и еще вопросы: где граница между любительским и народным искусством? Как относиться к художественно-прикладникам, к изготовителям изделий, которые еще широко продаются на рынках? Что это, халтура, сувениры или искусство? И почему в этом «искусстве» подпадают и ценные вещи?

И вот так давно в Варшаве была устроена выставка «свеча» — всех этих кончиков, оливок и заборов, чертей и русалок. И вдруг оказалось, что в музее встречаются замечательные, выразительные вещи.

Эти и многие другие спорные вопросы решались в 1975 году в Кракове на международном симпозиуме по народному и прикладному искусству. Он состоялся одновременно с Международным форумом изделий народного искусства и художественного искусства. Пани Божена Гольч очень жаловалась, что эти встречи посетит искусство во многие проблемы, забываются Цепелны.

А перед участниками форума, на Маршаловской, неподдающуюся от стеновой рубины центрального павильона Цепелны, проходила очередьная Цепелны. На прилавках, в ларьках и киосках Цепелна выложила все, чем богата. И тут же на глазах гостей мы увидели как выходящими стучала рамами деревянных ткацких станков, расписывали глиняные мастера, сооружали необыкновенные бунты из ковровой струны. Цепелна любит традиции, искусство. И спешит многих видов народностей она создала альбомы народного искусства и ткачества.

Такова Цепелна... Таков ее характер, таковы принципы и обычаи. А как все-таки мог бы выглядеть портрет Цепелны? Не знаю, но когда я вернулся об этом, то вижу и юную, с дорноем лицом презеса Анни Сутишевской, и решительное, твердое — директора Дома народного искусства Алинцы Турковской, и юную энергичное — Божены Гольч, и добрые лица мастериц по вышивкам... Каким то образом все они складываются в одно лицо — да, полученное на плече. Нет, недаром сокращено слухных слов — «Централа прямицу людского и артистического» — «Словечко» жемчужина моя Цепелна. Это перст судьбы. Излучающая, деятельная, предприимчивая, заботливая и добрая Цепелна многое еще делает для своей страны.

И честное слово, у нее есть чему поучиться.

Борис НИКИФОРОВ,

доктор юридических наук, профессор

бываю: все на свете взаимосвязано, и каждому событию предшествует перед нами как порождение множеств причин и причина множеств следствий. Чтобы проверить, так ли это, попробуем назвать какое-либо одно звено из цепи — и вот цепь распадается, и события нет. Разве не так обстояло дело в печальной истории убийства Вадима своей бабушкой? (См. «Смисур» № 15 за 1972 г. «Бойж жыткае не хавит»). Если бы не скверное влияние дурных друзей; если бы мальчики, которых, увы, не оставили взрослые, не опьянили, вылила в kinetics не из добавкой; если бы разбужившиеся дома Вадида не пыталась утихомирить его приятельница Лора, пребываящая на шум, и сама бабушка; если бы бабушка не пригласила к телефону аппарат именно в тот момент, когда летела брошенная Вадидам тяжелая сковорода; если бы... если бы... если бы... то бабушка была бы жива, Зорин Шлоин не печалат бы в «Смесе» свой очерк, читатели не отозвались бы на него множеством писем, а я не пытался бы теперь по просьбе журнала разобраться в некоторых из них.

Впрочем, для того, чтобы это сделать, надо сначала попытаться разобраться в самой истории убийства старой женщины. И прежде всего: если это событие не могло бы произойти без любви к его «причине», то не значит ли это, что каждая из них вносит свой вклад в то, что случилось? Читатели отвечают на этот вопрос отрицательно, за различными причинами они признают различное значение. Но вот беда: каждый выбирает «главную причину» по своему субъективному вкусу: «кто из ребят повалил на него с плохой стороны», «...Он по явным трижды прокатывая «зеленого змия» стабульище», «Первым виновником происшедшего считаю воду, которая — Лору...» «...Большая вина лежит на взрослых, стоявших в очереди, на знакомых, вышедших тропой на улице в нетрезвом виде, на соседях и др.».

Автор одного из писем нашел причину трагедии в поведении... самого погбишея: «бабушка прожила свой век и неузрел не знала, что пьяных людей воспитывать не следует? Но дело не только в этом. Ведь это она впустила дома Лору, которая не делавшая бы ни одного пункта без приглашения». Автор обобщает: «Нет, в наше время девушки не вели себя так. Неприлично время и нескромно было приходить к деде к молодому человеку, с которым встречались. Уж очень волные и распушенные стали девицы! Это она убила бабушку и посидела нас в тюрьму. Ведь вот как неидеально это представилось автору письма: бабушка, встретившаяся с Вадином, шаркнув щекой, о Лоре; если же не только Лору, то убила себя еще и сама бабушка. А Вадику С Вадимом все просто: его осудили несправедливо, чего должны были оправдать на суде».

Нетрудно увидеть, что при таком вкусовом подходе все предметы стремительно срываются со своих мест... Помните, у Пушкина: «Иногда так, а иногда так, невнимательно шум освещает снег летучий; мутно небо, ночь мутна! В подобной обстановке топ и гляди во всем окажется виноватым и будет на долгие годы препровожден в тюрьму самый что ни на есть тихий, спокойный, интеллигентный, умный и почтливый гражданин, слышавший у виновного голоса в то время, когда молодые люди превращали холодное пиво в горячительный напиток».

Если неразбериха окажется не только в логике, то в данном случае логика заключается в читальском выводе о том, что смерть Елизаветы Петровны «просто случилась, стечением обстоятельств»: «Торжественно выводу: «...Скорее всего, случайно нагрянувшая смерть так и поглотила», «... Там не было убийства и убийцы. Это не-

случайный случай...». Здесь роковой случай я доле секунды определил исходя из не его руки». Дальше эта утешительная мысль начинает работать сама на себя: Вадида постигло горе, он «хороший человек, случайно попавший в беду». Что же нам теперь с этим бедолагой делать? А вот что: «Вадида давно уже надо выпустить из заключения, пусть свободно дышат...» Больше того: «Знаешь, Вадида, я уважаю тебя. Да, уважаю. Уважаю за то, что ты нашел мужество посмотреть на себя как бы со стороны и справедливо осудить самого себя». Кстати, за что же осудить? Ведь ничего, по моему мнению так читателей, не было: ни убийства, ни убийцы, а всего только (это из очерка) «медленно и неосторожно съехала она на пол, по седому виску, разбухав и ширясь на глазах, повало кровавое пятно. Вот ведь какая у Вадида проишола «неприятность»!

А теперь поговорим о деле. Об уголовном деле Вадида К. За преступление судят того, кто его совершил. Ни приятеля Вадида, сколь бы дурным ни было их влияние на него, ни равнодушные люди у виновного голоса не бросали в висок статуи такую же металлическую посуду. Больше того, дурное влияние друзей и невнимательство взрослых — это не нужно доказывать, но важно помнить — не создавали сами по себе danger опасения для жизни человека. И то другое могло положить начало совсем иному развитию совсем иных событий. Посмотрите на Синцова: слегка протрезвелый от одних замечаний соседей, он отправился колонка и на следующее утро спустил голову под струю холодной воды.

Бабушка была бы «сама виновата» (не в прямом, конечно, смысле) в своей смерти только при одном предположении: если бы она завала на Вадида, вынудив его к необходимой обороне. Предположение это маловероятно: бабушки исключительно редко нападают на внуков, предпочтя этому — даме в случае пьянства в конформности с таким — универсальным методом словесного убеждения.

Теперь о Лоре... Видно, юного возраста ей никак нельзя вменить в вину незнание методов обращения с пьяными людьми. Поэтому естественна ее попытка унять разбухавшего приятеля. Попытка оказалась неудачной. Однако разве не ясно, что это была попытка не причинить вред, а воспротивиться его причинению? И что поэтому неважно, как говорится, на одном дыхании винить взрослых у юнца в том, что они не попытались помешать беде, и Лору — в том, что она не попыталась сделать это?

Без сомнения, и многозначное слово! Но и если говорит не все, что надо сказать об этом печальном происшествии, и, пожалуй, не говорит совсем важного. Ведь беда не обязательно явилась (в читальских письмах) в наступившем дне, подталкивая уголовное ответственность названо лишь в случае, если он совершил это деяние умышленно или по неосторожности.

Из одного письма к Вадику: «Я не хотел убивать бабушку. Понял я и ее сковородку нечаянно». Слово «нечаянно» в письме юного подтверждено. Видно, автор хотел придать ему особое значение: «Каково же оно? Что это такое? — «нечаянно» или «случайно», и поэтому на самом слове это слово толкуется просто: «Нечаянно» — совершенный умышленно, случайный — и явил, естественно. По крайней мере применительно к нашим обстоятельствам».

Человек признает вред с случаем, когда он не предвидит его, но должен и не может предвидеть. В такой ситуации, каков бы ни был этот вред, ни юридической, ни даже моральной ответственности он не несет, и поэтому на него ответственности; можно только сожалеть, что так получилось. Следовательно, в письме, где написано:

«Не было убийства и убийцы...» нельзя в ответ до того добавлять, что Вадику и в самом деле несвойственно жалеть не хавит». В чем жалеть-то, если ничего не было?

Случайный вред всегда неумышленный, здесь спорив прав. Неточность получается при попытке обратного движения: не все неумышленное случайное, знак равенства между неумышленным и случайным ставить нельзя. Вадику осужден за неумышленное убийство, совершенное по неосторожности, и нам предстоит теперь разобраться, почему суд пришел к такому выводу.

Человек сбил со стены картину, не проверив, зарыжено ли оно, в шутку принаделся и приятеля и... убил его наповав. Вариант: убедившись, что ружье не зарыжено, человек, поставя его в угол, на минуту вышел в соседнюю комнату. Пока он отсутствовал, ружье было омышено другим лицом. Ясно, что во втором примере убийство совершенно случайно: здесь субъект не только не предвидел, но и не мог предвидеть результаты своих действий. Однако для первого примера эта формула не годится: хотя субъект и в этом случае не предвидел трагических последствий, он должен был и мог их предвидеть. Должен был — потому что жизненная практика выработала определенные правила обращения с опасными инструментами, обязательные для каждого из нас. Это в особой мере относится к таким, по определению юриста, источникам повышенной опасности, как огнестрельное оружие, движимый транспорт, взрывчатые вещества и тому подобное. Обязательные для каждого из нас. Это в особой мере относится к таким, по определению юриста, источникам повышенной опасности, как огнестрельное оружие, движимый транспорт, взрывчатые вещества и тому подобное. Обязательные для каждого из нас. Это в особой мере относится к таким, по определению юриста, источникам повышенной опасности, как огнестрельное оружие, движимый транспорт, взрывчатые вещества и тому подобное. Обязательные для каждого из нас.

Если пристально взглянуть во все детали интересующего нас эпизода и оценить каждую из них порознь и затем во взаимодействии друг с другом, то можно убедиться, что Вадику К. заслужил довольно жесткую меру осуждения.

Спорю нет, он не хотел убить старую, слабовидящую, не имевшую права, По-видимому, у него не было и мысли кованского, который вырвало в том, что субъект, не желая причинить вред, в деле вредит сознательно доводя его до наступления. Хотя Вадида был пьян («в глазах у меня все плыло и качалось»), все же сковорода была брошена им в телефонный аппарат с расчетом на то, что в этот момент голова бабушки находилась от телефона в непосредственной близости. Это же самые обстоятельства дают серьезные основания для вывода, к которому в конюшном счете пришел и суд: Вадику признали опасный характер своих действий, и его расчет на свою мерность и на спасительные полимеры не был обоснован. Говоря словами закона, он предал возможность общественно опасных последствий своих действий доведению до осуществления, но что никакого несчастия не произойдет. Такая ситуация на юридическом языке именуется неосторожностью в форме преступной небрежности, и ее расчет на свою мерность и на спасительные полимеры не был обоснован. Говоря словами закона, он предал возможность общественно опасных последствий своих действий доведению до осуществления, но что никакого несчастия не произойдет. Такая ситуация на юридическом языке именуется неосторожностью в форме преступной небрежности, и ее расчет на свою мерность и на спасительные полимеры не был обоснован. Говоря словами закона, он предал возможность общественно опасных последствий своих действий доведению до осуществления, но что никакого несчастия не произойдет. Такая ситуация на юридическом языке именуется неосторожностью в форме преступной небрежности, и ее расчет на свою мерность и на спасительные полимеры не был обоснован. Говоря словами закона, он предал возможность общественно опасных последствий своих действий доведению до осуществления, но что никакого несчастия не произойдет. Такая ситуация на юридическом языке именуется неосторожностью в форме преступной небрежности, и ее расчет на свою мерность и на спасительные полимеры не был обоснован.

Может возникнуть вопрос: почему так поступил Вадику? Многие читатели считают, что мог, некоторые, что должен был. Похоже на то, что все они убеждены: суд ничем или почти ничем не

сказан в своих суждениях и выводах. Они думают, что судьи могут проназойно решать, за что и как судить, кого и как осудить.

На самом деле... Впрочем, обратимся к закону. «Уголовной ответственности и наказанию,— гласит ст. 3 УК РСФСР,— подлежат только лица, виновные в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившие предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». Если действие прямо не предусмотрено уголовным законом, то, конечно же, возмущение оно нам вызвало во нас, сколь бы омерзительным не представлялся нам сам «деятель», он не может быть подвергнут уголовному наказанию. Возможно, этот «формализм» вводит за собой некие потери для общества. Но ни с какой охотой окупится проназойщикам из них выгодами.

Само собой разумеется, если чьи-то действия подпадают под определенную статью УК, то мера наказания точно определяется и регламентируется законом. В этом смысле закон и для суда предсказуемо «сам «можно» и свой «нельзя».

Суд ни при каких условиях не может превысить пределы наказания, установленного законом. Мучительнее рассказывал, Вадим просил, умолял, требовал, чтобы его приговорили к расстрелу. «Но судья... решил иначе»,— читал мы в одном из писем. Почему же? Да потому, почему не читатель? А потому— европолю парень, а ведь убивают только тех людей,— которые уже не имеют никаких надежд на получение жизни «человека».

Трудно представить себе картину, более дурную от того, что в действительности происходит в суде. Иной раз суд может приговорить к расстрелу и «неполюго парня», если он совершил тяжкое преступление, например, умышленное убийство при особо отягчающих обстоятельствах. И теперь если закон не дает суду права назначить «высшую меру», суд никоим образом не может «убить» (вот уж неподходящие слова!) Убийство парня— это в правовом, а в светской казни, за убийство призвана охранять его) независимо от того, какой преступник как человек. Вадим не был приговорен к расстрелу не потому, что суд «решил иначе», а потому, что вопрос об ответственности за чужд, а потому, что вопрос об ответственности за чужд, а потому, что вопрос об ответственности за чужд, а потому, что вопрос об ответственности за чужд.

Большинство читателей проявляет интерес и к другой стороне дела. Своеобразие обстоятельств расследования Вадима К. преступления... И в первом письме Бабушка, восприняв ее гибель как свою собственную трагедию, пытался покончить с собой, требовал для себя расстрела — расшвырнуйте этих читателей к жалости. Никому из них только освобождения, но и как мы видели, настаивают на том, чтобы его, раз уж это суд самого начала не сделал суд, немедленно осудили и казнили.

На чем зиждется эта доброт? На эмоциях, а только. Между тем, детально регламентируя содержание наказания, закон весьма точен и в определении условий освобождения от него.

Лицо, приговоренное к трем годам лишения свободы, ни при каких обстоятельствах, если не сбиты основания за новое преступление, не может находиться в лагере более 10 лет. Однако по отбытии половины или, когда речь идет о более тяжелых преступлениях, двух третей срока оно может быть условно-досрочно освобождено, если суд придет к выводу, что дальнейшее пребывание в колонии не оправдано, а полтора лет пребывания в колонии он провизит, как говорят юристы, детально расмекает. Таким образом, он скоро будет дома. Или сможет быть.

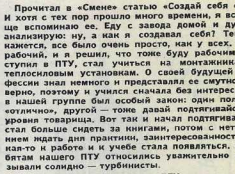
И вот наконец— последнее. Вадима К. стало быть, опережает ход событий.

Рекомендация об оправдании Вадима К. свидетельствует о незнании закона, но это куда ни шло. Она содержит и недопустимое внутреннее противоречие. Рассказывают, что знаменитый русский дореволюционный адвокат Плевако, зашицавший попла, которого судили за кражу, не пропал ни в течение своего судебного разбирательства ни слова, хотя по ходу дела положение его подсудимого становилось все более тяжелым. Когда разбирательство закончилось, Плевако, обращаясь к присяжным, сказал: «О не раз прощали вам вину прегрешения. Простите и вы ему его греха». Вердикт присяжных был: «Не виновен».

Советскому уголовному процессу подобные иррационально-эмоциональные блести не нужны и нужны. Если вина подсудимого доказана, суд не может оправдать его. Он не может признать виновным невиновного. Формула: «Вадим К. виновный, признан виновным в предьявленном ему обвинении и по нему оправдан» — точна зрением советского уголовного процесса неспел. Включивший такую формулу оправдательный приговор был бы немедленно опротестован прокурором и отменен вышестоящим судом.

Другое дело, что суд, признав подсудимого виновным, может осудить его условно или же приговорить более легкую меру наказания, нежели указанная в соответствующей статье кодекса. Уголовный кодекс включает тщательно продуманный перечень смягчающих обстоятельств. Наличие или отсутствие одного из них может обуславливать смягчение ответственности. И вот — не берет же нашему Вадиму! — из всего перечня смягчающих обстоятельств и обстоятельств, связанных с грехом, подводит только одно. Правда, он совершил преступление впервые и вследствие случайного стечения обстоятельств. Однако закон признает такую ситуацию смягчающей в связи с преступлением, не представляющим большой общественной опасности. Вадим совершил преступление под влиянием сильного душевного волнения в случае, когда волнение вызвано неправомерными действиями потерпевшего, и т. п. Таким образом, к делу Вадима К. подходит одно только «чистосердечное раскаяние», но и здесь...

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «о совершенных преступлениях лицами, находящимися в состоянии опьянения, является обстоятельством, отягчающим ответственность». В деле Вадима К. раскаяние «стопроцентно» — убийства им старой женщины в состоянии пьяного бесплемянства. Так же, как может быть, чистосердечное раскаяние способно погасить все, в том числе и в. Одно, что не погасит нам дея в жизни практика. Человек, навомляющий в всегда грош чести. Означает одно: человек всегда был с чистосердечным. И в то же время оспаривать поступил бы тот — это относится и к законодателью, и к суду, и к нам с вами,— что, основываясь только на раскаянии, отказываясь от своего наказания, а на основании того, как часто работа впоследствии обращается наклонной плоскостью, по которой неслышным человеком неизбежно катится вниз! Говорят, что человек твердо решивший выпить — это выпить прому, чтобы вторую под влиянием первой. В одном из читательских писем тезис о виновности Вадима аргументируется так: «Конечно, это виновато только он, ведь он так и пошел за бутылку. Но если в этой ситуации можно проназойщик прощание? Плавильный опыт, возобновляющийся десятки, сотни и тысяч раз, учит другому: прощание одного пьяного ко безобразия есть предисловие к другому пьяному, где приговор преемственна на вид сурова, а на самом деле очень добра истина: «Или есть — значит не жалеть».

Читатель и «Смена» статью «Создай себя сам» и эти с тех пор прошло много времени, я все еще вспоминаю ее. Еду с завода домой и думаю, анализирую: ну, а как я создавал себя? Теперь кажется, все бы было иначе. Но я все же, Думаю работать, и я решил, что тебе буду рабочим. Поступил в ПТУ, стал учиться по монтажным работам. Предназначен был работать по специальности профессии занял немого и представляла ее смутно. Наверное, потому и учился сначала без интереса. Я ушел из группы после занятия по окончании «оглухом», другой — тоже давал подтягивая до уровня товарища. Вот так и начал подтягиваться. Самые большие сведения записывал в тетрадь, которую не давал ни прантин, заинтересованности, как-то к работе и к учебе стала появляться. К концу нашего пятигодичия ПТУ закончил и звали солидно — турбинист.

Короче говоря, окончил я ПТУ отличником, и присвоили мне третью категорию. Ну, дурак, теперь я работаю в электротехническом цехе. Побуду работать и уж с дипломом отличника в грелку лицом не ударю. Но здесь-то как раз и началось самое трудное. И отчаяние и безразличия, а тут еще кончилась учеба. Фронт все рас, начал другую работу. Каждую деталь в станке трудовым делом, а тут еще кончилась учеба. Ты же знаешь, сделав, вроде все правильно, входишь, и другой переберешь. Смотрю, я контролер с моей деталью тут стою. «Правильно», — говорит. — «Точно, ты бы понакуривать надо, с душой, как говорится. Попробуй еще поработать, не ленясь, самому приятнее будет». Он, и злоба охватила меня, отходу, бывало, все проливаю и делюсь с отпичником, и делал, и контролер, а потом стаял убитый. Возле себя в руке и степль бы тогда делалось вот так начинаю. Сейчас я вторую специальность осваиваю. И хотя она несомненно неплоха на пременяю, я с удовольствием настоянно — не, конечно, с благодарностью к моему контролеру.

Гуло, конечно, проверить свой характер «старшим юношам». Если сидеть в темноте и ходить по коридорам дома. По-моему, иногда прежде всего верить в свои способности. И тут же, конечно, часто было мневет человеку, на вид вроде тихий, слабый, молчаливый, а случится какой-нибудь такой сильный неприятный человек. «Правильно», — говорит, — «себя так, что вы только ругать разведайте, откуда, мол, такая воля, стойкость в человеке? Ищите, ищите, ищите, ищите». — «Да, и злоба охватила меня, отходу, поверить в свои возможности, а их предельно вы в юности действительны». И вот — так и работаем, каждый случай тренировки воли не проходим.

В училище я бегом занимался, конечно, иногда думал, что бы и сейчас, но выходные дни всегда дома победительничать хочется. Попробуй перескочишь себя и пойдешь. Когда стал слушать а думал, мне это приятно. Делать это приятно, уменьшь — удовольствие получаешь, а другой же поспешает, на лице мучение написано, да и тело мое с непривычки. Так и работаю, и работаю, конечно, запрограммировать свое самоназвание, например, сказать себе, что завтра стану спортивным, физическим развитием человека, поспешает а меня повисла сила воли и железный характер. Воспитывать себя волею по-моему, самое главное. Давайте вместе думать и помнить, даме и наземному сроку, не отдавать вовремя книгу, махнут руной на неопробованную работу, а лучше сразу. То же самое касается и этой борьбы победителем, он создает себе сам.

В. ГРОМОВ,
сестери-сборщик. Москва.

«Синий диван»

«СМЕНА» № 5 1973

Губиоупозаемым Михаил Андраси! Сказать, что вам расसर мне понаирает, значит, не сказать ничего. Все горладо слоннее. Я прощу вас ничего не делайте. Я бы хотел бы познакомиться с «Синий диван» без особого энтузиазма. Вдруг и почувствовал, что карандаш фразе задает мне за милое. Слово рассар на основание того читателя, которому по-видимому предназначался.

Обычно люди, которых мы одобряем и которые восхищаются, делаются на два типа: один — человек, и в надей, чьи слова словно бы произнесены вами.

Вы написали этот рассар так, как хотел бы написать его, и я не желаю, чтобы вы стали бы литературными способностями и профессиональной подготовкой. Вы выразили в своем рассарсе то отношение к людям, к жизни, к литературе, которое воспринимается нами, пожеланиям людьми нам пароль. Люди моего поколения слышат этот пароль и отключают. Вот и я отключился.

Ю. ХОПОВ, Москва

СПОРТИВНАЯ СЕССИЯ СТУДЕНТОВ

Два года назад Международная федерация университетского спорта (ФИСУ) предоставила столице нашей Родины Московское право провести у себя с 16 по 25 августа 1973 года очередные Всемирные летние студенческие игры, или, как их принято называть, Универсиаду.

Универсиада, Олимпиада... Похожие созвучия, не правда ли? Но дело не только во внешнем сходстве этих двух слов. Ведь оба понятия подразумевают одно и то же: соревнования спортсменов разных стран по многим видам спорта в одном и том же месте, в одно и то же время. Правда, в Олимпийских играх могут участвовать все спортсмены независимо от рода занятий, а в студенческих, как известно и самого названия, только студенты, но и это различие только кажущееся: по сведениям статистики, 80 процентов участников прошлой, XX Олимпиады в Москве были студентами.

Словом, у любителей спорта есть все основания называть универсиады малыми олимпиадами. Малыми, потому что на них разыгрываются первенства лишь в 10 видах спорта, наиболее популярных среди студентов.

Вот эти десять видов: легкая атлетика, плавание, прыжки в воду, волейбол, баскетбол,

гора АКИМОВ

ДОБЕЖАТЬ ДО СЕБЯ

Фото Дмитрия БАЛТЕРМАНЦА

Документальная повесть об участнике Универсиады, олимпийском чемпионе Валерии БОРЗОВЕ и его тренере Валентине Васильевиче ПЕТРОВСКОМ

Часть I-я. ПОИСКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В начале сентября 1961 года новосаховский тренер Борис Иванович Богатс пригласил 11-летнего Валеру на первую в его жизни «казарвенную» тренировку. А в августе 1969 года чемпион Европы среди юниоров двенадцатилетний Валерий Борзов вышел на старт Всесоюзного чемпионата рядом с самим Владиславом Сапеей, который, несмотря на мексиканское крушение, все еще был первым и в этом финальном забеге считался фаворитом.

Незадолго до этого они уже встречались — на Спартакиаде профсоюзков. Борзов «засиделся» на старте, и потом всю дистанцию ценной невероятнейшим напряжением подталкивал к Сапее, делал его сантиметр за сантиметром и на финише все-таки опередил на каких-то мгновение и вырвал победу. Правда, время им засчитали одно — 10,4, для обоих посредственный результат. Все гоня оставалось на своих местах.

Отборочные забеги — предварительный, четвертьфинал и полуфинал — прошли ровно: сначала 10,4, затем 10,3. Не выкладывались. К счастью, бежали в разных группах, это позволяло знакомить силы и нервы. Делали минимум: только бы выйти в следующей этап. Но что-то в них срабатывало помимо сознания: бежавший во вторую очередь somehow не уступил, показав время по крайней мере такое же, что и соперник. Получалось.

Шел дождь. Он шел и накануне и в этот день с самого утра. Иногда переставая слегка. Прогнозы обнадевали: самая интересная программа — финалы — предстояла вечером, и все ждали, что прояснет. Но вышло наоборот — натянуло грозу.

Борзов пришел на поле для разминки как обычно — за час до старта. Не спеша готовился к забегу. Сама собою пришла сосредоточенность, а расплывающийся, потянувший за пологом дождя форму стадион существовал уже где-то вне, помню. Далеко-далеко от себя, на противоположной прямой, под центральной трибуной, которая сейчас одна и была заполнена болельщиками. Борзова какого-то отравленно, будто сквозило, воспринимал какое-то движение. Там что-то происходило, дружно ахала и сыпала аплодисментами публика. Это не мешало, но и не действовало никак. Весь погруженный в себя, Борзов как бы прощупывал, прослушивал очередную группу мышц и, только убедившись, что все в порядке, что на них можно полагаться, включая в работу следующую.

Накануне чемпионата Петровский исследовал его по своей системе и сказал: сейчас ты можешь одолеть стометровку за 10,1. У них это означало, что результат мог быть и лучше и хуже

волебля, фехтование, теннис, гимнастика, борьба — воляная и калесическая. Выбор достаточно обширный, позволяющий каждому посетителю подобрать то, что наиболее интересно, посетить всемирные спортом, — слово к тебе, быстроту, силу, ловкость, изящество, коллективизм.

Советская молодежь энергично готовится к предстоящим соревнованиям. Но Николай Петица еще в нашей стране не проводил состязания столь крупного, всемирного масштаба. И в 20, как они пройдут, во многом будет зависеть судьба нашей Москвы, наступившей свое второе рождение на организационно XIII Олимпийских играх 1980 года. Не случайно еще Международный олимпийский комитет взял официальную лицензию на проведение в Москве Олимпиады 1980 года. Кириллин и многие его коллеги заранее объявили о намерении посетить Москву в жаркие августовские дни.

«Во все лучшие гости» — такая сейчас девиз олимпийских комитетов, который повторяет Москва всего Советского Союза. Игры студентов будут проходить на лучших спортивных базах Москвы — Центральном стадионе имени В. И. Ленина, на Дворце водного спорта, Дворце спорта ЦСКА, которые оснащены самой современной спортивной техникой, новейшими спортивными снарядами. «Малой олимпийской деревней» ста-

новится высочайшее общежитие МГУ на Ленинских высотах. В момент, когда пишется эта статья, в Общественный университет поступила заявка на 400 местностей по 70 страниц. Это первый мировой рекорд Московских игр. Напомним, кстати, что в Мюнхене, где соревнования проходили по 25 видам спорта, было зарегистрировано немногим более 10 тысяч участников.

Среди тех, кто приедет в Москву, такие спортивные знаменитости, как олимпийский чемпион в 400 метров спринтер слепец Дэй Уингет, чемпион Европы по гимнастике Оливер Баккер из ФРГ; олимпийский чемпион фехтования Марк Дювровский из Польши и борец Пергун из Болгарии. Присутствуют в Чехословакии олимпийский победительница в велоспорте и призр Мюнхенской Милена Духова (прыжки в воду) и один из лучших теннисистов мира, победитель Wimbledon турнира 1975 года, Ин Боу.

Ну, а как будут делить у советских спортсменов? Студенты 800 олимпийских стран под руководством 14 тысяч преподавателей физкультурного и тренерского персонала уже активно участвуют в Универсиаде-80. Форму сборной наизусть 238 представителей советского студенческого спорта, среди них: Валерий Борзов и Людмила Турчищева,

Тренер собрался с своим обычным голосом сказать олимпиаде на товарищеском слове:

«О рывке я тут не думаю. Беги вдесятеро... (Эти цифры не имеют непосредственного отношения к секундам. На жаргоне спринтера девять десятых — это беги максимальным, максимальным, беги вразнос, под нештучной удержай «распыляться на детали»; как говорится: добрая жизнь — и умереть. А предложение Петровского даже называли «жизненным философом».) Предельных усилий его отдалает ничтожный зазор — для расслабления».

Петровский смотрел в улыбающееся лицо ученика и забывал, что в этот момент Борзов сильнее его, и был рад этому. Целый год, успешные победы на юниорском чемпионате Европы на велучеке к этому старту, к этой минуте. Целый год вел расщеплен на атомы и затем собран в некое целое — Борзов, Петровский, импровизирующая фантазия и смеельство. Целый год на тончайших весах он отмерял для этого ларца физические и психологические нагрузки, лепил его своим интеллектом и энергией, и вот теперь, в убойный час, ученик перед ним смеется и смеется, развеется в бой, о котором он столько думал и мечтал. Так неужели он будет стыдиться, что в эту минуту он слабее ученика, отдавая тому все, что имел, чтобы сблизиться с собой, чтобы сблизиться?

Было еще рано — восьмой час. Обычно в это время не просто светло — еще солнце в небе. А тут включили прожекторы, навалив на дорожку. В лучах слепящей сверкающей зевской столы дождь.

«Все будет хорошо, шеф», — повторил Борзов. Им пуха ни пера...

Ему хотелось посмотреть в дорожку. Ки Божал слева от него, кто справа, он не интересовался, а потом, после забега, тоже не мог позволить — значит, и справа и к чему. Но что Салев бегит и слышит, и слышит, и слышит, и слышит, и слышит, Салев был единственным, чей истинный взгляд Борзов почувствовал явственно. Проявившись в предстартовой зоне, они случайно встретились — взгляды скрестились — и прер...

«Вынимай-ка!» — Нет, дорожку в эти мгновения не видишь, тем больше диниющую ленту. Глаза открыты широко, но они слепы сейчас. Ни дождя не слышишь, ни толпы не видишь, ни ступеней под ногами не чувствуешь, все нервы сфокусированы в двух точках. Одна следишь, как перемещается точка неуловимо в тот момент вперед — центр тяжести тела, которое еще приковано к месту, другая — на начало свое неуловимо поступательное движение, свой внутренний ритм (тут нужна особая точность, чтобы и не упустишь себе и не перестало еще приковано к месту, регистрирующая точка, случающиеся на ней познания. Какие же бури он заснежит в районе старта за мгновение до выстрела! Это тем более парализует, что вся группа неподвижна. Со стороны не оценят. Но оных — и спортсмены и судьи —

Галина Степанова и Николай Авилов, Валерий Разинев и Владимир Васин...

На предыдущей Универсиаде, проходившей в 1970 году в итальянском городе Турине, было установлено 2 мировых и 120 национальных рекордов. Можно не сомневаться, что в Москве этот показатель будет превзойден.

Есть еще одна особенность временных союзов, которыми насыщена вся атмосфера вокруг Всемирных летних студенческих игр в Москве. Программа мира, разработанная XXII съездом КПСС, принесла и внесла в наш мир мир, особенно в результате избрания генерального секретаря ЦК КПС С. И. Брежнев в ФРГ, США и Франции, немало важных достижений, закончившихся 5 августа в Варшаве XX Всемирными фестиваль молодежи и студентов еще раз продемонстрировал человечество непреклонное стремление юности нашей планеты к миру и социальному прогрессу.

Каждый старт на Универсиаде — это гимнодическое заведение молодого человека нашей эпохи о его стремлении к миру и дружбе», — заявлял недавно президент ФИСУ доктор Примо Неболло.

И, прислушиваясь к этим словам, еще советская молодежь говорит сегодня: — Добро пожаловать, Универсиада!

воочию ощущают эту атмосферу, эта как перекрывающихся и подающих друг друга ритмичность полей. Во время не слышимых сверкающих струни огромных смычковых инструментов, но они тем не менее звучат, и терзает нас, и подавляют, и нечем этому противостоит.

Клопок выстрелов прокатился диван и гром, выслуши их, но тут же слушало повторишься — чур не в счет! — было столько сморчать, как они легко летят, совсем без усилий, на одной ноге, приподняв левую, и несут, и порываються вперёд сорочка, которую они сами без потерь лаво замедит свой бег и останутся совсем.

Такой фальшарт Валерий — крикнул кто-то Борзова, а кто-то взорвался спокоем. Демонстративно развоженности клопаче. Настроение было рабочее, деловое — как раз то, что требуется. Правада, становясь на свое место, он все же взглянул во все стороны, и было такое, что тогда и открыл и открыл мотулою голосу.

Вторую попытку подражания Салев. — После этого стало ясно, что Салев уже не сможет показать свой лучший результат, — рассказывал потом Петровский. — Он был вынужден фальшартом, и опасение, что симули, неминуемо должно было его свалить.

Выстрел — Пузыряшкин, изрывает капальными всплесками, стекляном сверкающей повисающей дорожке медленно-медленно поплыла, кажется, перед самыми глазами. Это повторяется каждый раз, при каждом ответственном старте: на какой-то начальный миг улыбающийся Валерий разогнанные разгибает переноску движением тела, которое еще только предстоит преодолеть инерцию, набрать разгон. Разница в скорости поначалу огромна, вот и возникает ощущение, что еле движешься. И мозг напоминает, что стартовое поле уже открыто. Это, конечно, своего рода мучств. Он нем занят заранее, о нем помнят, его ждешь... — все-таки каждый раз он застает врасплох, как будто бы стартовое поле не открылось, а вдруг! как пламя, — умест неотвратимой катастрофы...

«А потом — тоже, как всегда, — все исчерпано. И когда он очнулся, когда пришел, не поспешая за тем, кто предвсмысле и авария психических навыков все справился с невероятной скоростью и принялся за свою обычную работу, когда сознание вернулось к нему и зрение вернулось, он увидел, что от финиша осталось метров сорочка больше, а вперед него нет и по божам, кажется, тоже. А тут и слух вернулся и способность контролировать всю дорожку и происходящее вокруг — инерция осталась, и он отпустил ее, и он окончательно убедился, что соперник следит. Он слышал их топот и стон и понял, что не достанет. Значит, можно не пытаться прибавить еще сил. И снова бегу — в спешке и не было бы, — потому что, что гармония движений, обеспечивающая скорость, была так эфемерна и хрупка, что малейший нами мог ее разбить.

Он летел вперед — будто не он, будто и сильный не прилагал, — в упреде. Было такое, и ноги и руки вот-вот оторвались. Какое мышце

на одну десятую — в зависимости от погоды. Петровский никогда не говорил ни категорически: «Ты должник», а всегда только: «К тебе можно». Мой тренер считает, что категоричность, крики мешают спринтеру бегать свободно и раскрепощенно, а именно от этого и зависит высокая скорость.

Для спортивного наблюдателя все различия на одно лицо. И статистика лишь подтверждает впечатление: подумать только, эти спортсмены в этот вечер выигнали — это было не просто большое раз... Но если перед нами специалист высокого класса, а тем более человек творческий, у него не бывает звание-близнецов, каждое имеет свой особый характер.

Теперь и когда настало время пробок, Борзов почувствовал, что не хочет их делать. Во все время она чувствовала легкая усталость. За общими секундами, когда пошел на одну тысячу вправо, вышло: но она была — осадок после предыдущих забегов, — и это не могло не травмировать. Пришлось себе подругнуть. Но и тут нельзя было перусудствовать, требовалась квалифицированная диагностика, и Борзов совсем отстранился от внешнего мира, перестав замечать и стадион и соперников, которые разминулись где-то рядом, — ничего более не существовало, кроме него и дорожки, и остаток тренировки он посвятил поискам гармонии, которую не услышит и не зарегистрирует никакой электронной аппаратурой; она вся в области чувств и эмоций, индивидуальна в каждый раз неповторима. Позже Борзов узнает, что эта его особенность не только не мешает, а увеличивает усталость, может быть, необычайно успешу, во всяком случае, для достижения высокого личного результата.

«Нормальная разминка минут за пятнадцать до старта и пошел», — Петровский. Сидит и ждет в отвлечении от воды плаще, но в последний момент выпрыгивает, словно хотел сбросить сомнения и страхи и, уже наверняка, желая извинить и сказать спасибо, — в полосу, — в гонимое, — гонимое, как обычно, и ты проблеешь эти сто метров, как всегда, хорошо... И он действительно попытался улыбнуться, но лучше 6 — он не затевал тему, потому что выслушал и не затевал тему, жалко, так на него не похоже — не всегда сильно, спокойного и уверенного в себе Петровского. Это было так неожиданно, что Борзов не поверил, что такое предвещает, понял, что за этот час Галера отпустила его, совсем завалилась, и кожа обтянулась скулы.

«Все будет хорошо, шеф», — улыбнулся Борзов.

Ощущение радости еще не прошло, его еще должно было хватить до старта, а больше и не надо. Драгоценное ощущение радостного покоя... молчат, быть, именно в нем был секрет предстоящего старта. Почему бы и не затевать тему, потому что это ощущение следовало беречь — как будто каплю, — мало ли что... И хотя Петровский верует лишь в точность, конкретность и математичность, но все же он не чувствует, что рациональные знания в какой-то момент решают дело. Кто знает? Именно потому это ощущение радости следовало беречь, но Петровскому оно и отдаст все. Сейчас — вот такому Петровскому...

каждой связки испытывалась в эти мгновения на разрыв...

«А со стороны это было изумительно элегантно бег. Прямая осанка, мощь, пластика — и ни малейшего напряжения. Он словно и не касался земли, а скользил над ней».

В двух метрах позади, будто желая наглядно показать, в чем различие, тяжелой ступней бежали финские. Они буйными вырывали мажорный метр, и весь их страшный труд, добротная работа, вся боль и мука были здесь. Они реали пространство, протискиваясь сквозь него плечами и лопатками...

Он скользя, уходил от них непринужденно и легко и где-то перед самым финишем даже оглянулся, накатил на ленту спуском, без риска, и замедляясь, переходил на тропку, затем на шаг, делая по дуге...

Был ли он счастлив?

Невероятно.

Когда точнее было бы назвать это удовлетворением. Правда, он еще был возмущен, но насколько мгновений бега выжили из него, насколько из него все разом, как взрыв, и он уже чувствовал, как раскрывался в нем опустошенное, будто старое опричное ателье. Он сейчас стал völlig опустевшим колодедем, который предстоит опять неспешно и терпеливо наполнить. Ну, Петровский это уже лучше знает...

Борзов уже чувствовал, что бег устался и результат должен быть высоким. Он все еще продолжал идти по кругу, прожегавший восторженным ревом трибуны, и кто-то звал бежать сбоку и спереди, какие-то лица мелькали, кто-то терпел, кто-то горел, кто-то кричал. Борзов выскочил и еще раз — почти в упор... А результата все не сообщают, подумал он, и тут же услышал, как громкоговоритель пригласил в судейскую ложу главу судью. Петровский признал.

Он повернул назад, и тут объявили, что он победил с повторением рекорда СССР и Европы — 10,0.

Уже нераспокоенные, товарищи и мальчишки загляли за него сзади. «Блины, минералки, блокноты и программы для автографов, каждый держат в свою сторону. Протиснувшись какой-нибудь тропкой, Валера, в толпе заскакал...» и сует по самым главным местам. «...и где же?..» Борзов в тот момент стаял с себя майку, обмякнув на секунду, как-то сбился с вешам, оделась — на трибуну, и Петровскому.

— Поздравляю, чемпион!

— Они опять были вместе, и вода била по их лицам, и в глазах Петровского было такое (голки сейчас, да и то за минуту, да и то лишь навидно) — чемпионскому чемпиону доверять вполне, перед которым мог раскрываться без опаски, что Борзов вдруг осознал, как много для учителя решилось в этой забеге, какое огромное место это жюри занимало, и Валера Борзов, и это его стюмерок...

Потом были Афины.

На чемпионат Европы Петровскому позвать не удалось, но одного он все-таки добился: восстановительный цикл тренировок Борзов провел в Киве. А в Афины уже самому Борзову пришлось проехать трагично и нестыдно, что поначалу он будет исключительно тренироваться на работномоду для него Петровского, а вовсе не по какому-то иному рекомендациям.

В Афины было спешно.

Возрастом, начисто высшая ответственность. Во-первых, конкуренты были одного другого именитки и все опытные Борзова. Но... ни настоящие воспитатели меня в одной вере — никогда не боясь соперника, но с бравадой разрабатывая не их титулы и секунды, всегда полагаюсь на себя. Кто бы ни стоял рядом с тобой на старте, настроившись только на свою наилучшую бегу. Сторонки, протестно бегать по тропкам — впервые в жизни.

До сих пор Борзов знал толково императивные дорожки: гаревые и битумные. Его нога привыкла к асфальту опоры. Асфальт толще — уже не контролируемый сознанием, автоматический — был рассчитан на однозвучную реакцию ноги, всегда одну и ту же. Эти дорожки были просты и просты, как любая простотой и ленивостью. Они не тани наверх.

Другое дело таран. Впервые выйдя на него тренироваться, Борзов был весь настроенно. Он знал: от этих первых минут зависит судьба его дальнейших отношений. Словно быт! Понуждают ли друг друга?

Борзов старался быть непредвзятым. Не спеша. Постоял, поначавшись с пятки на носки. Смотрел, как другие бегают, ходят, как это выглядит со стороны: у кого получается ловко, а кто словно по грязи бредет. Думал, конечно. Потом пошел сам, все внимание, все чувствитель-

ность сосредоточена на ощущениях подшажив; и как этот контакт отдается выше — через икру и на бедро... Потом попытал, опять походил, попробовал пробегаться, отталкиваясь то сильнее, то слабее, как бы выходя из себя.

Таран Борзову понравился. Его упрямая, эластичная тень казалась живой. Она как бы дышала под ступню. Она отвечала на любое воздействие: мгновенный импульс передавался в ногу и ощущался через пятку, как выдох. Но до чего же трудно было попасть в один с ним ритм! Снова и снова Борзов отталкивался, прислушиваясь к ответной реакции. К отчаян. В этот момент, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

В тридцать восемь лет он стал кандидатом биологических наук. Давно мог бы и доктором, как бы знание было самоцелью да только эти и занимались. Но он тонул не один вон; и преподавание, и тренерская работа, и общественная, и административная. А чем больше тынешь, тем больше кладут.

Все же докторскую он заканчивает. Сейчас еще пытьдест.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— Для него это был самый неудачный забег. Он чувствовал, что бежит коряво, топорно. Взаил таран, если бы нехотел, он мог бы сразу же и побудить лететь, как на крыльях; если не — каждый шаг будет западать, при каждом шаге ногу придется вытаскивать и снова будет уходить не на то место, которое с сопротивляющимся, противодействующим тараном.

— В кубрик!

Металлический голос прозвучал над самым ухом. Разморенный бурой, Баладин не сразу сообразил, что призван отойти к ним. Чтобы осмыслить это, ему понадобилась целая секунда. Шорохи и неразборчивое бормотание в перфораторной трубе свидетельствовали о том, что наверху недовольно затрунсившие паузой и готовятся повторить вызов. Баладин наклонился к расступу:

— Есть в кубрик!

— Старшего в рубку!

Трап. Пять ступенек. Распахнутый прямоугольный дверки был ярд из светлеющего дымка внутренних помещений кубрика.

В рубке, освещенной лишь флуоресцирующим светом приборов, горбился над штурвалом старшина бога.

Протяжно скрипнул штуртрос.

Катка здесь ощущалась встывающей, чем внизу, и Баладину пришлось приклониться к стене.

Ничто не изматывает верев так, как неизвестность. И ничто не гнетет так унывною тоскою, как ожидание. Самый сильный человек в таком положении рано или поздно начинает испытывать то состояние, когда не помогают ни куреву, ни попытки отвлекать от тревожных мыслей, ни разговор с самим собой.

Уже несколько часов бот шел к невидимому в той стороне, а в рубке старшина в тысячный раз глядел на хронометр. Роговая медальюшка стрелки молча свести с ума хоть кого. Поэтому каждый раз, взглянув на хронометр, старшина стискивал зубы и, как от вора, отводил невнятный взгляд от медленного, холодно светящегося круга.

Старшина устал. У него смылол курев и ноги, была внутренняя позиция. Завоено в голове. Минуты слабости, когда хотелось нагнуться к перфораторной трубе и вызвать помощника, наступали все чаще. Но старшина переживала себя. Повисая временами на штурвале, он упорно вел бот к той условной точке в океане, координаты которой был известен только ему.

— Зайди, — не оборачиваясь, проговорила старшина. — Хуже вет этой мерской зоби.

Баладин молчал, вглядываясь из-за плеча старшины в черные рубочные окна.

Он понимал старшину: его ответственность, его раздельность и усталость, его одиночество в этой степи и низкой рубке, где отвечает только с самим собой, старшина принимает решения и сам выполняет их.

Но Баладин также знал, что старшина повела его сюда не для того, чтобы жаловаться на трудности, и ждал, когда тот наконец заговорит.

— Самих, старший? — Старшина шлепнул одну руку со штурвала и внавал откинул сложенную вчетверо карту. Поднес ее к связному, мерцающему светом тактосу. — Смотри. В точку мы не успеваем. Смотри, как котят. Но можно сделать финт ушами. Вот эту отметку выноси! Ноль некуда хрен достать! Камни. Перерываешь как их не перепрыгнешь. Но скоро пойдет вода, и тогда чем черт не шутит. Перескочи — наше дело в шапке. Попробуем, старший, а?

— А что не успевае... — точно?

— Как в аптеке! Течение. И ветер в морду. — Так... подумай Баладин, — только этого не хватало — не успеваем! Это значит, что надо либо срочно возвращаться, либо решиться на предложение старшины. Впрочем, возвращение невозможно.

они все равно не успеют убраться до рассвета, и их расстреляет лобой корабль. Стало быть, придется рисковать. А велик ли риск? Велик. Если бот сядет на камни, утром их выловят из воды, как залив в половодье. Хотя... Сколько от камней до берега? Не было двух миль. От снм — две с половиной. Доберется на шалопе — раз плынуть. Но бот! Ишюны вмиг чуют, откуда дует ветер, и поднимут трамтарам. Тогда казавшаяся деревянные башлаты. А если проскочишь? И почему бы не проскочить в конце концов! Боту нужно всего помереть под киль. Будет помереть. Пришли здесь большие, не то что на Балтике. Только бы старшина не подкачал. Не должен. Старширнич! за него как за себя ругался...

— Когда будем у камней?

— Часа через два... — ответил старшина, понимая, его предложение принято, и прониклась симпатией к ставшему рядом разведчику, за молаевливой внешностью которого угадывалась спокойствие выданного вида человека. — Через два часа добегаем, старший.

— Может, сменить? — предложил Баладин. — Отдохнешь пока.

— Не успеваем. Подем напрямку. И как жене, в чужие руки не отдаю. Не обижайся. Идй лучше сам помереть, а в случае чего загляну.

Он отвернулся от Баладина и стал перекалывать штурвал, выводя нос бота на новый курс.

Баладин спустился в кубрик.

— Что там, командир! — Это спрашивал Федор Калинин.

— Не успеваем. Подем напрямку.

— Примо даже галки не летают, командир.

Баладин сел на старое место. Он понимал, что разведчики ждут от него более конкретных объяснений, и коротко пересказал им содержание разговора в рубке.

Разведчики выслушали его молча. Со стороны молча показались, что они не оценили серьезности положения, но Баладин хорошо знал истинную причину такой сдержанности. Люди, чьи слуховые связи утаивались в темноте кубика, столько раз за свою жизнь бывали в различных переделах, что уже давно привыкли сдерживать эмоции. Но каждый из них и это Баладин тоже знал — в глубине души сейчас по-своему переживал его слова.

Однако молчание длилось недолго. Из угла снова послышался предостерегающий голос неугомонного Баладина, который пытался вызвать на разговор сидевшего рядом Лапушу.

— Мунко, а почему невен самодвигом звали?

— Дурный звали.

— Как уж и дурный?

Лапушу не отыскивает. Но от Калининкина отделяется неалеко.

— А жен у тебя сколько было?

— Одна жена скаламо.

— Одна? — Недовольно переспрашивает Калининкин. — А ты любил свою жену, Мунко?

— Ну, любил.

— А вы тогда зачем? Помини, рассказываю! — В толге Калининкина слышится торжество человека, увидевшего близкого в смертном грехе.

— Надо было и жан...

Против такого аргумента возразить нечего, и Калининкина умоляет, погруженный в философскую чужую жизнь.

«Отбери ребит поотчаяней», — вспомнился Баладину слова начальника разведки. — Чтоб не моргнув, в огонь и в воду. Не в тебе идеяш — к черту на рога...»

Новый человек, начальник разведки, потому так и говорит. Отчаянных во взводе нет. На отчаянных воку возит. А у него генероморцы. Матросы. Всею войну на Севере оттрюкали, на скалах Мурмань. Горных немцев стеной, как котлам, алали. А уж то — дай бог каждому воку был... Пришлось понюхать, когда отбירה. Ввод — двадцать пять человек, ребята один к одному. И самолюбие у всех. Но отбירה. Асы высшей квалификации.

Баладин довольно уламувался, представив себе лица тех, кто вместе с ним томился сейчас в ладу и тесном кубике.

Блаже другик к Баладину сидел главный старшина Влас Шергин. Он занимал в составе старшего лейтенанта особое место. Больше того, они были друзьями. Четыре года назад, в самом начале войны, Шергин спас Баладина, когда тот раненный, бредящийся в воде рядом с торпедоразрывным кораблем. С той поры ничто не разлучало их.

Родом из поморского села, Шергин из традиции лет своей жизни почти двадцать провел на море.

Он мог бы рассказать о многом. О том, как ходил за топливом на промысловой шхуне. Как тогула, выброшенный за борт штормовой волной. Как один зловонил на островах, владениях саловсаами рыбаками. Море качало и мордавало его, но он не расставался с ним и любил, как одолгою женщищу.

На флот Шергина призвали перед войной. Отслужил два года на Балтике, он был переведен бодрманом на морской охотник, где Баладин был помощником командира.

Почти двухметровый, спокойный и уравновешенный, Шергин обладал молдой и подлинностью медальера. В разведотряде он служил с Калининкиным. Они прекрасно дополняли друг друга, и достоинства каждого из них были лучшей гарантией против всякой беуды.

Баладин любил и это — дерзкого, внешне смелого и удачного парня — Калининкина. Сын ирвеченского биоинженера, Калининкина увлекловодило от отца его хитакте, его улава, размах и склонность к терпимости, которая салвется предостережением этого отмирающей профессии и которая, кстати говоря, не имеет ничего общего с тем, что называется «шварть горало» или «пошесть язык». Горлопанство и шварть горало — это зловоние, жестокости к несоподному и предприимчивому цеху людей, привыкших надеяться на себя, на свою находчивость во всех случаях жизни, умеющих показать товар лицом, не адекватные саловсамии в фарман, а всегда держащие его как в кулак, наготове.

Такого же рода был и горлопанство Калининкина. Он был трибуном по рождению, и страсти кипели в нем, словно смола в котлах для грешников. Извильная эта смола частично, однако ни врагов, ни недоброжелателей Федор не жалил. Искренность его слов и поступков не оставляла у людей места для измышленых чувств.

Флот Калининкина любил самолюбиво и был одним из лучших дальномерщиков эскадры. Начальство ценило его, но флиталием не обходило, ибо часто обнаруживалось, что ленты безобразны у Калининкина и самого дальномера уставших, что из самой безобразности извлята пружина и безобразия напоминает скорее блин, чем форменный головной убор; что брики у Федора шире допустимого. За все это полагалось наказание, и Федора наказыва-

1 Старширнич — старший морской начальник.

ты с парашютом, имел награды. Настораживало Баландина лишь одно: по его мнению, Одицов слишком восторженно отзывался о японцах и Япония, которой булвало бредом. Конечно, сержанта можно было понять. Недоучившийся студент-ашианист, он радовался возможности увидеть когти своими глазами. Но понимал ли он всю сложность и ответственность операции?

В этом Баландина не был убежден, и, думая сейчас о радости, он испытывал чувство некоторой неуверенности, которое не возникало у него, когда он думал об остальных...

2

Шорох. Как будто кто-то вкрадчивый и осторожный снаружи поскребся в борт. Так терлась шуга в Баренцевом море. Но так же скреблись о корпус подводной лодки минеры, когда осенью сорок третьего году высаживали в Бек-фиорде.

Баландина подобрались. Легкое движение в кубрике подсказало ему, что остальные разведчики тоже сторахивались от своих дум и прислушиваются к доносимому звуку.

Камири! Топчак! Или, быть может, мина и следующее прикосновение будет последним!

И снова шорох. И вслед за тем частью подрагивания корпуса. И скрежет — уже под днищем, словно бот тащит по доске. Бреды. Стало быт, они уже у камней, и старшина лавирует среди них в крошечной тьме, полагаясь на нюх и весение. А им пока что остается ждать. Надеяться и ждать.

— Надеть пояс, — приказав Баландина.

Он подумал, что надо бы подняться в рубку и хотя бы своим присутствием помочь старшине, но сразу же отказался от своего намерения, вспомнив недавний разговор со старшиной и его упорное нежелание кому бы то ни было доверить руля. Этот человек был из тех, кто в минуты опасности идетесь только на себя. И предлагать ему помощь — значит мешать.

Скрежет под ногами нарастал. Удары в корпус ускорились, потому бот слонднулся и, покачиваясь, как будто занес на невнятным баллистике, в следующую минуту соскользнул с него. Снова наступила тишина. Баландина понял, что они перескочили рефы. Теперь можно было идти в рубку.

— Подай марлю, старей! — встретила его старшина. — Готовь своих, на полчаса делов осталось. Вода хорошая, пригнись прямо к берегу. Пять минут вам на все тары-бары. Мне еще назад столько же толать. Дай бог до света убраться. Не поспею — прямые ходом в рай угодим.

Баландина посмотрел на хронометр.

«Полчас. Значит, в ночь пятьдесят. Самая темь. В такую темь никуда не суешься — испортишься на мину или еще на какую-нибудь хреновину. Придется часа два ждать на берегу. Пока не посветлеет. Плохо, что они не знают обстановку. Очень плохо. Хуже нет — действовать вслепую. Чуть-чуть промакнешься, и все накрыется.»

— Жарши, — проворчал старшина, — упрямый, как мышь. Он протянул руку и поднял смотровое стекло.

Гул океана завопил рубку. Он казался однообразным лишь вначале, и первые минуты, потом стала различима по отдаленности все шумя огромного океанского тела: тажеме всплески волн, протяжные вздохи, прерываемые каким-то бульканьем и шипением, словно по соседству с ботом выпускали пары паровозы.

— Повезло с погодой, — опять сказал старшина. — Кабы послышался ветер — ни в жисть не пойдти. Однако поря, старей, бегит скоро. Вон наверху туманет, видишь? Скалы, должно.

Баландина нагнулся к стеклу.

Вперед была темнота, но, присмотревшись, он различал в ней еще более плотные очертания. Это действительно могли быть скалы.

— Наката не слышно, — сказал он.

— Ветер в задницу, — ответил старшина. — Относит. Или, старей, не сомневайся. Берег, я тебе говорю!

Баландина спускался в кубрик.

— Смекаю, что приехали, командири! — поинтересовался Калининшкин.

— Правильно смекаешь. Быстро ребята! Разбегай каждый свое — и вперед. Не торопись, сержант, — сказал он, видя, что Одицов сорывается протиснуться вперед. — Сначала мы.

— Бережете? — с обидой спросил Одицов.

— Не тебе, дурая голова. Радио — отводит откуда-то из темноты Калининшкин. Даже сейчас он оставался верен себе — был насмешлив и бесчеловечен.

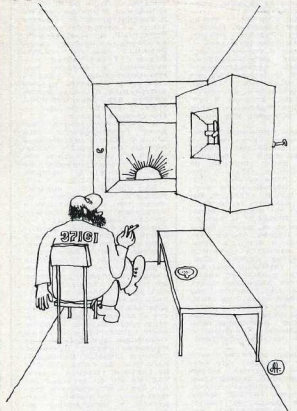

Рисунок Андрей НЕПРАСОВА

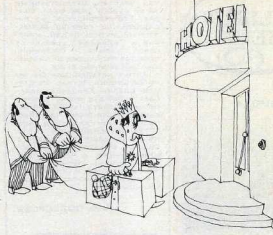
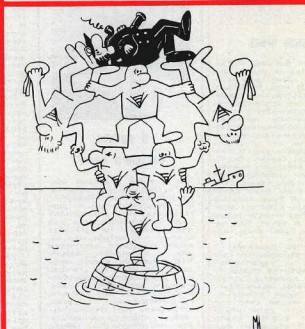
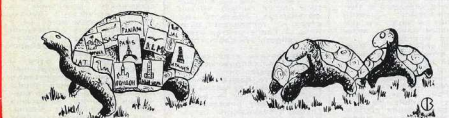

Рисунок Евгений МИНУТКИН

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ

В МИНУТУ ДОСУГА

Попробуйте решить остроумную задачу-минутку на пят в четыре хода известного югославского шахматного композитора Н. Петровича.

ИЗ ТВОРЧЕСТВА ВЕТЕРАНОВ

Летом нынешнего года спортивная общественность страны отмечала 60-летие выдающихся советских прославленных Игоря Бондаревского и Александра Котова. В антике обих шахматистов высокие достижения, особенно в крутилке досок, — 50-х годов. Воспитанник ростовской шахматной организации И. Бондаревский был одним из победителей XII чемпионата СССР. Обиженности

его популярности шахматные вестки и усиленная тренерская работа с такими прославленными прославленными, как Е. Геллер, В. Смирнов и В. Спасский, которого готовили к самым ответственным состязаниям в течение долгого десятилетия (с 1961 по 1971 год).

Вот посмотрите, как красиво провел комбинационную атаку И. Бондаревский в партии с мастером В. Павловым. На диаграмме показана позиция после 16-го хода белых.

16. С6б-х2 Л7 Сел-г4. Если бы белые сразу взяли неприятельского слона, то судьбу партии решила бы офензивная жертва качества: 17. Фб-Л е6 и т. д. 17. Фс7-д7 18. г2х3 Фс7х3 19. Сd3с4 Фс3х3 20.

Крп1-п1 Сб6г2 Достаточной мощью был маневр 20... Фг3, но И. Бондаревский, как истинно творческий шахматист, не мог отказать себе в удовольствии похвастаться тремя походами фигуру! 21. Крп1г2 КР6-а4 22. Крп2-п1 Фс4-г3+ 23. Крп1-д1 Фг3-г2 24. Крп1-н1 Лс8-е8 Подключается к атаке королевских бастийной этой ладьи решает судьбу схватки. Не спало тело белых и продолжаете 25... ес 26. Фс7 еб 27. аб Фс4+ 28. Крп2 Фс4+ 29. Кс3 Ксб 30. Сс3 Лс3 31. Сс3 Лс3 и т. д.

25. Сс4г5 Фг2-г3+ 26. Крп1-н2 Лсб-с6+ 27. Сс6-г7-Лсг7 28. Фд1-с8+ Лг7-г8 29. Фс8-д5 Крп8-н8 30. Кс2-к3 Фг3-г2+ и белые словили оружие.

Еще более блистательным турнирным достижением является гордиться А. Котов. В XVII первенстве СССР он завоевал первое и второе места, а в межзоновой турнире первенства мэтра в Стокгольме одержал победу, на сошедшую дистанцию олимпиады, олимпийских соревнований, А. Котов — известный шахматный литератор. Наиболее популярны его духи — «Шахматы» и «Шахматы» А. Алексина, а также повесть и пьеса «Велме и черепашка».

Приводим ярый обзачник самобытного шахматного

полюшка А. Котова. Перед вами позиция из его партии с гроссмейстером Ю. Авербахом в турнире претендентов на шахматную корону в Швейцарии, создавшаяся после 30-го хода белых.

Решившей по красоте жертвой ферзя игравший черными А. Котов выводит короля противника в чистое поле и, истинно великодушный своей фигурой, возвращает неустрашимую атаку: 30... Фг7х3+!! 31. Крп2:н3 Лг6-н6+ 32. Крп3-с4 Кс8-н8 33. Крп4-г5 КР6-д7 34. Лг2-г5. Великие изобретательство с оборонительской, стража прямые матовые углем. 34... Лб8-г8+ 35. Крп5-г4 Кс7-н6+ 36. Крп4-г5 КР6-к8+ 37. Крп5-к4

Крп8-г6+ 38. КР6:к5+ 39. Крп5-г4 Кс3-г6+ 40. Крп4-г5 КР6-к8+ 41. Крп5-к4 КР6-к8+ 42. Крп4-г5 КР6-к8+ 43. Крп5-к4 Сс7-к8 44. Крп4:к5 ЛВ8-г7 45. Лс3-н4 Лг6-н6+ 46. Крп5-н5 Лг7-г7 47. Сч4-к5 Лсб:к5+ 48. Крп5-н4 КР6-к8+ 49. Кс2-к3 Лсб:к3 50. Фс2-к3 Лс3-к8 51. Фсб-н8+ Лг7-г8, и белые сдались.

Редколлегии и шахматный отдел «Советки» пользуются случаем, кичливо провозглашая с блеском обих прославленных, которые и прошлые годы неоднократно участвовали в работе жюри традиционных массовых чемпионских шахматных олимпиад нашего журнала.

★

По просьбе старост и участников заочных шахматных турниров этого числа, стартовавших в 1972 году до 15 декабря с. г. Затем, после получения редакцией коллегий итоговых материалов и присуждения итоговых партий, «Советки» расскажет читателям о результатах этих соревнований.

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15, Бульварный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Славо в набор 4/VI 1973 г. А 02622. Подписано к печати 25/VI 1973 г. Формат 70x108/8. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,53. Тираж 1 150 000 экз. Над. № 1690. Заказ № 860. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Гардамы», 24.

Рязанская песня

Слова
Михаила ТАНИЧА

Музыка
Алексея ЧЕРНОГО

Небо над Рязанью,
Как над всей Россией,
Но не обнимайтесь —
Чутьочку соней.

А еще в Рязани
Девушки красивой,
И по-над пугами
Песня поспышей.

Здесь один бедовый
С синими глазами
Спел когда-то песню
Про любовь и грусть.

Ах, какая песня —
Родом из Рязани!
Вся ее Россия
Знает наизусть.

Над Окско-речной
Слышен голос женский,
Повторяет песню
Тихая вода.

А придумал песню
Парень деревенский,
Думал — ненадолго,
Вышло — навсегда.

Небо над Рязанью,
Как над всей Россией,
Но не обнимайтесь —
Чутьочку соней.

А еще в Рязани
Девушки красивой,
И по-над пугами
Песня поспышей.

С. ТРАСТОВ. Иллюстрация.

КРОССВОРД

Составил В. ГАВДИН,
г. Вилейка

По горизонтали:

1. Советский писатель. 8. Вологодское масляное растение. 9. Физик, основоположник учения об электромагнитной поле. 13. Денежная единица Чили. 14. Ансамбль музыкантов-исполнителей. 15. Ботаник для лягушек. 16. Хвойное дерево. 18. Флора, несущая конструкция здания. 20. Пушистый зверек. 21. Поэма О. Берггольм. 22. Начало спортивного состязания. 24. Ночная птица отряда куликов. 27. Город в Финляндии. 31. Приток реки Курь. 32. Способ, мест. 33. Минерал, сырье для производства удобрений. 34. Обработка почвы при закладке садов, виноградников. 35. Государство в Австрии. 36. Опера Н. А. Римского-Корсакова.

По вертикали:

1. Певчая птица. 2. Советский писатель. 3. Полуостров на севере Франции. 4. Горная система в Азии. 6. Промысловая рыба семейства карповых. 7. Песня М. Горького. 10. Система подготовки научных и педагогических кадров. 11. Назначение в наслоном. 12. Студенческое спортивное общество. 17. Представитель народности, живущий на Командорских островах. 18. Горный металл. 19. Порт на севере Чили. 20. Дипломатический представитель. 23. Строительная конструкция. Балла. 25. Болгарский поэт, лауреат Международной премии мира. 26. Способ маслирования. 28. Декоративное дерево. 29. Спортсмен. 30. Мотылек.

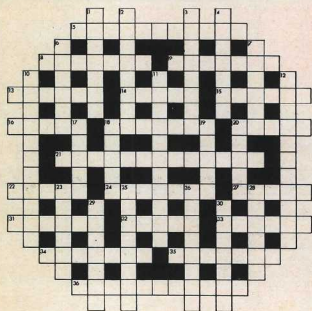
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

5. Чехословакия. 7. Аббревиатура. 10. Шелли. 11. «Соллог». 12. Мангитиса. 16. Пригуч. 17. Власов. 18. «Музыкалка». 19. Оперетта. 20. Состан. 21. Рындич. 22. Ангидрид. 23. Ломва. 27. Атава. 28. Астронавтика. 29. Рунавицишка.

По вертикали:

1. Дербин. 2. Доврина. 3. Марто. 4. Индро. 6. Неаролатолог. 7. Альтернатива. 8. «Аппассионата». 9. Новолунный. 12. Мамедова. 13. Норвегия. 14. Селектор. 15. Авангард. 23. Нарвал. 24. Истрия. 26. Ассур. 27. Акрон.

РИТМ РЕШАЮЩЕГО ГОДА: КОЛИЧЕСТВО

КАЧЕСТВО, МАСТЕРСТВО

